

Прокаженный из приюта Святого Жилия

Автор:

[Эллис Питерс](#)

Прокаженный из приюта Святого Жилия

Эллис Питерс

Хроники брата Кадфаэля #5 Шедевры исторического детектива (Рипол)

Детективный роман английской писательницы Эллис Питерс (1913–1995) из серии о расследованиях сыщика-любителя брата Кадфаэля. Готовится неравный брак престарелого барона и юной красавицы. Однако накануне свадьбы жениха находят мертвым. Подозрение падает на возлюбленного девушки.

Эллис Питерс

Прокаженный из приюта Святого Жилия

Ellis Peters

The Leper of Saint Giles

© Storyside. 2021

© Кулик А. И., Степанов С. А., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

* * *

Видите того пожилого монаха

в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль

возится в своем садике:

собирает лекарственные травы,

ухаживает за кустами роз.

Вряд ли кому придет в голову,

что перед ним – бывший участник

крестовых походов, повидавший полмира

бравый вояка и покоритель женских сердец.

Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую

выступать не только в роли врачевателя

человеческих душ и тел, но и в роли

весьма удачливого, снискавшего славу детектива,

ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной

тихую бенедиктинскую обитель.

Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля»

происходит в Англии XII века,

где бушует пожар междоусобной войны.

Императрица Матильда и король Стефан

не могут поделить трон, а в подобной неразберихе

преступление – не такая уж редкая вещь.

Так что не станем обманываться

мирной тишиной этого утра.

В любую секунду все может измениться...

Глава первая

В тот октябрьский понедельник 1139 года, после полудня, брат Кадфаэль вышел из ворот обители мучимый дурным предчувствием, что в его отсутствие здесь непременно случится нечто прескверное, хотя предполагал вернуться уж никак не позже чем через час. Он направлялся всего-навсего в приют Святого Жилия, что находился на другом конце Форгейта, едва ли и в полумиле от Шрусберийского монастыря; Кадфаэлю надлежало просто пополнить запас масел, настоев и мазей в шкафу с лекарствами.

В Святом Жиле постоянно нуждались в подобных снадобьях. Этот приют служил прибежищем для прокаженных, где и призревали их, и ухаживали за ними; но даже когда прокаженных там было мало, все равно находилось несколько страждущих и немощных душ, нуждающихся в попечении, а снадобья,

приготовленные Кадфаэлем из трав, отлично успокаивали и смягчали и душевную боль, и телесную. Он посещал приют, как правило, через две недели на третью, чтобы восполнить израсходованное. В последнее время он наведывался туда особенно охотно, поскольку встречался там с братом Марком, своим бывшим помощником, которого очень ценил и об уходе которого весьма сожалел. Но Марк решил, что его удел – служить несчастным обездоленным созданиям из Святого Жилия. И теперь каждое посещение приюта напоминало Кадфаэлю о мирных минувших днях.

Следует сказать, что дурные предчувствия Кадфаэля никак не были связаны с теми грандиозными событиями, что должны были произойти вскоре в шрусберийском аббатстве Святых Петра и Павла. Они не касались подготовки к скорой свадьбе, не предвещали и чьей-либо внезапной насильственной смерти. Нет, брат Кадфаэль опасался, скорее, другого: что в его отсутствие будет разбит какой-либо сосуд с драгоценной жидкостью, выкипит сироп, или подгорит готовящееся снадобье, или же жаровню распалят так сильно, что от нее загорятся шелестящие связки высушенных под крышей трав, а в худшем случае – и весь сарайчик, что стоял в саду, где Кадфаэль заботливо выращивал свои травы.

Марк был кротким, послушным и искусным помощником. Теперь же Кадфаэля словно наказали за грехи, дав ему нового – чрезвычайно энергичного, простодушного и вместе с тем на редкость беззаботного и безрукого. Ничто не могло умерить его пыл или поколебать жизнерадостность. Новоиспеченный девятнадцатилетний послушник, казалось, навечно застрял в счастливом отроческом возрасте лет двенадцати. Руки у него были просто дырявые, зато рвения и самоуверенности имелось сверх меры. Он не сомневался, что может все, вечно стремился сделать как лучше, поэтому, столкнувшись с первой же неудачей, был изумлен и даже обескуражен. К тому же парень обладал самой доброй и ласковой душой на свете. Это могло бы только радовать, но, к сожалению, он был неуязвим, поскольку никогда не терял надежды. Сей горе-помощник все время что-нибудь бил, ломал, портил или жег; если его упрекали за это, он неизменно раскаивался, веря в торжество милосердия, не сомневаясь, что неудача будет последней. В сущности, он даже нравился Кадфаэлю, хотя редко кому удавалось до такой степени вывести травника из себя, как его помощнику. И если приходилось оставлять паренька без присмотра, просто дав ему указания, Кадфаэль заранее мрачно подсчитывал возможные убытки. Впрочем, помимо душевной мягкости у малого имелись и другие достоинства. По осени главным занятием в саду становилось вскапывание земли, и в этом нелегком деле парню не было равных: он вкладывал в него пыл, который другие

отдавали молитве, и с таким воодушевлением ворочал лопатой суглинок, что Кадфаэль не мог не приветствовать подобное усердие. Главное – не давать ему самому заниматься посадками! Такая работа не для дырявых рук брата Освина!

Словом, брат Кадфаэль и думать не думал о той пышной свадебной церемонии, что должна была состояться в церкви аббатства через два дня. Он совершенно забыл о предстоящей свадьбе, но тут вдруг заметил, что по всему Форгейту собираются шумными стайками люди. Они выходили из домов и выжидательно поглядывали на дорогу, ведущую в Лондон. День был холодным и пасмурным, в воздухе висела легкая морось; но шрусберийские кумушки не намерены были пропустить долгожданное зрелище из-за такого пустяка. Именно по лондонской дороге должны были прибыть оба свадебных поезда, и уже разносилось известие о том, что кортежи приближаются к городу. В сам город они, однако, не собирались въезжать, поэтому толпы горожан направились им навстречу, присоединившись к жителям Форгейта. Шум и толкотня напоминали о ярмарочных днях. Праздничное возбуждение овладело даже нищими, во множестве толпившимися у ворот аббатства. Когда барон, чьи владения охватывают четыре графства, прибывает сочетаться браком с наследницей столь же обширных земель, можно надеяться на щедрые дары по случаю торжества.

Пройдя по зеленой ярмарочной площади и обогнув угол стены аббатства, Кадфаэль двинулся прямо по тракту. Дома по обеим сторонам дороги встречались все реже и реже, промежутки между ними увеличивались, поля и леса, казалось, протягивали сюда свои зеленые пальцы, пытаясь добраться до края торного пути. Здесь у дверей своих домов тоже стояли женщины, надеявшиеся хоть мельком увидеть жениха и невесту, а перед большим зданием на полпути к приюту Святого Жилия собралась кучка зевак и через открытые ворота с любопытством наблюдала за сутолокой во дворе. Слуги и конюхи сновали взад-вперед между домом и конюшней, во дворе то и дело мелькали яркие одежды челяди, носившей цвета своих господ. Здесь должен был остановиться жених со своею свитой, невесте же и ее кортежу предстояло расположиться в странноприимном доме аббатства. Поддавшись извинительной людской слабости, любопытству, Кадфаэль задержался на минуту, чтобы понаблюдать вместе со всеми за приготовлениями.

Дом был велик и окружен добротными стенами, позади него раскинулся парк с фруктовым садом. Принадлежал дом Роже де Клинтону, епископу Ковентри. Однако епископ появлялся в нем редко и предоставил усадьбу во временное

пользование Юону де Домвилю, владельцу поместий в Шропшире, Чешире, Стаффорде и Лестере. Это был отчасти дружеский жест по отношению к настоятелю Шрусберийского аббатства Радульфусу, отчасти реверанс в адрес могущественного Домвиля, завоевать расположение и покровительство которого в смутные времена междоусобиц представлялось крайне разумным. Быть может, король Стефан и держал крепко в руках немалую часть страны, но на западе не менее прочно утвердилась когорта его соперников. Многие лорды готовы были переметнуться на сторону противника при первой же перемене ветра. Три недели назад императрица Матильда вместе со своим единокровным братом Робертом, графом Глостерским, и ста сорока рыцарями высадилась в Арунделле. То ли король проявил неуместное великодушие, то ли кто-то из друзей дал ему бесчестный совет, но только Матильде позволили продвинуться до Бристоля, где ей был заранее подготовлен наилучший прием. Мягкой осенью в сельской местности, конечно, веет миром и покоем, тем не менее люди здесь ходили настороженно оглядываясь и внимали новостям затаив дыхание. Так что, пока война не окончилась, иметь влиятельных друзей не мешало даже епископам. За домом епископа дорога шла между деревьями и была безлюдной. Город остался далеко позади. На развилке, на расстоянии полета стрелы, показалась длинная низкая кровля приюта. Чуть дальше виднелась крыша церкви с небольшой приземистой башенкой. Церковь была весьма скромной: неф, да алтарь, да придел с севера, да кладбище позади нее – с каменным гравированным крестом посередине. Здесь сходились две дороги, ведущие в город, и здания были предусмотрительно сооружены поодаль от них. Прокаженным запрещалось появляться на людных улицах, однако и здесь, вдали от селений, они должны были просить подаяния на расстоянии. Покровитель их, святой Жиль, по собственной воле избрал жребий отшельника; у этих же несчастных не было другого выхода: им полагалось держаться в стороне от здоровых людей.

Однако любопытство было им тоже не чуждо, поэтому, как и прочие обитатели здешних мест, они вышли из дома и выжидательно смотрели теперь на дорогу. Отчего же эти несчастные не могли позволить себе хоть поглазеть на своих более везучих собратьев? Или, по меньшей мере, позавидовать им? Или же пожелать им счастливого брака – коль скоро так велико окажется милосердие изгоев? Колышущаяся цепочка фигур в темных одеждах вытянулась вдоль плетня. Тут царило такое же оживление – если не возбуждение, – как и среди здоровых зевак. Кое-кого из больных Кадфаэль уже знал: они обосновались здесь навсегда, почитая за благо коротать век в обществе себе подобных и умелых врачей. Были и новички-бродяги. Они вечно кочевали из одного лепрозория в другой, иногда задерживаясь на недолгий срок в каком-нибудь отдаленном прибежище. Пожив там за счет очередного милосердного

покровителя, они отправлялись к месту нового уединения. Некоторые прокаженные ходили на костылях или опирались всем телом на посох: их изуродованные болезнью ноги гноились либо же были покрыты болезненными язвами. Двое-трое передвигались на маленьких тележках, руками отталкиваясь от земли. Какое-то бесформенное, невероятно раздувшееся существо сгорбилось у забора, пряча под капюшоном обезображенное лицо. Несколько человек – впрочем, довольно деятельных – прятали лица под покрывалами, в щели между капюшоном и покрывалом были видны лишь глаза.

Число подопечных в приюте все время менялось, ибо они, эти беспокойные души, то и дело уходили бродяжить дальше. Они избегали заходить в город – так им было предписано. Бедняги просто направлялись в какой-нибудь следующий приют, из окон которого открывался новый вид. В общей сложности местный приют обеспечивал кров и уход тридцати больным одновременно. Попечителя назначал монастырь. Служители, монахи и миряне, трудились здесь добровольно. Каждый из них прекрасно осознавал, что в любой день кому-нибудь из них самому может потребоваться уход, и все же недостатка в добровольцах, готовых прийти на смену, чтобы ухаживать за больными, не было никогда.

Кадфаэль тоже отработал там год или чуть больше. Он не чувствовал при виде несчастных ни ужаса, ни отвращения – только спокойную жалость. Больные ценили своих попечителей, и это всегда служило тем неистощимым источником бодрости и уверенности. Кадфаэль навещался в приют с таким постоянством, что эти посещения, как и церковные службы, стали частью его размеренной, исполненной смирения жизни. Монаху в свое время приходилось врачевать и более жестокие раны, и в большем числе; впрочем, он не трудился вспоминать об этом. Под изъязвленной оболочкой, которую он обихаживал, ему открывались живые сердца и деятельные умы. В свое время, когда он еще жил в миру, ему довелось повидать и сражения в таких далеких местах, как Акра и Аскалон, да и Иерусалим в Первом крестовом походе. Там Кадфаэль был свидетелем смертей куда более жестоких, чем те, что проистекают от болезни. Он встречал язычников, которые были добрее, чем христиане; он сталкивался с проказою сердца и язвами души, а эти пороки были пострашней тех болячек, которые он лечил своими травяными настояками. Не слишком удивило его и то, что брат Марк принял решение служить в приюте. Кадфаэль прекрасно понимал: у Марка свой, иной путь. Брат Кадфаэль слишком хорошо знал себя и не помышлял о том, чтобы стать священнослужителем; однако когда он встречал прирожденного священника, то отличал его сразу.

Брат Марк заметил подошедшего к лечебнице Кадфаэля и поспешил ему навстречу. Некрасивое лицо Марка лучилось радостью, его непослушные, соломенного цвета волосы ежиком топорщились вокруг тонзуры. Он держал за руку золотушного ребятенка, тощего маленького мальчика со старыми подсохшими струпьями меж редких белокурых волос. Марк откинул в сторону прядь, скрывавшую последнее влажное пятнышко на голове мальчика, и просиял, увидев результат своих трудов.

– Рад, что ты пришел, Кадфаэль. У меня как раз кончается настой из постенницы для примочек, а ты посмотри, какую добрую службу эта трава ему сослужила. Последняя болячка уже почти вылечена. И припухлости на шее у него тоже стали меньше. Ну-ка, Бран, славный мой мальчик, покажись брату Кадфаэлю! Он готовит нам снадобья, он наш целитель. Ладно уж, беги к своей маме да держись рядом с ней, не то пропустишь занятное зрелище. Они скоро подъедут.

Ребенок высвободил руку и заспешил к горстке людей у плетня. Как бы ни был горестен их вид, они отнюдь не предавались печали. От плетня доносилась болтовня, слышались обрывки песенок, иногда даже смех. Марк посмотрел вслед самому юному из своих подопечных. Мальчик шел вперевалку, слегка прихрамывая, – следствие недоедания. Монах несколько опечалился: ребенок находился в приюте всего месяц и его кожа все еще была тонка, как паутинка.

– И все же не скажешь, что он несчастен, – с радостным удивлением проговорил Марк. – Когда рядом никого нет, он ходит повсюду со мной и болтает без умолку.

– Валлиец? – спросил Кадфаэль, задумчиво глядя на мальчика. Его наверняка назвали в честь Брана Благословенного, первым принесшего в Уэльс Евангелие.

– По отцу. – Марк серьезно посмотрел на друга, глаза его были преисполнены надежды. – Ты думаешь, его можно вылечить? Совсем вылечить? Теперь-то его хотя бы кормят. Матери же суждено умереть здесь. Что ж, как бы то ни было... сейчас ей уже все равно: она очень добрая, но теперь даже рада сбить его с рук. И все-таки я верю: мальчик еще сумеет вернуться в мир здоровым.

«Или уйти от мира, – подумалось Кадфаэлю. – Ибо, если ребенок следует за тобой так настойчиво, он не может не проникнуться духом служения Богу в церкви или обители, аббатство же под рукой».

– Способный ребенок? – спросил Кадфаэль.

– Способнее многих, кто обучен латыни и знает счет и письмо, кто ходит в тонком льне и с кем носятся верные мамки. Я пытаюсь научить его чему-нибудь по мере моих сил.

Они вместе подошли к дверям приюта. Многоголосый гул усилился, а сквозь него стал слышен еще какой-то нарастающий шум. С главной дороги доносилось позвякивание колокольчиков на конских сбруях, слышались призывные крики сокольничих, смех, разговоры, приглушенный стук копыт по заросшей травой обочине, которую всадники предпочитали открытой проезжей части. Чей-то свадебный кортеж приближался к приюту.

– Говорят, первым должен проехать жених, – вымолвил Марк.

Он ступил с залитого светом крыльца в полумрак залы и повел Кадфаэля к шкафчику с лекарствами. Один ключ от шкафа хранился у Уолтера Рейнольда, управляющего, поставленного аббатством, второй же был у брата Кадфаэля. Монах раскрыл суму и начал вытаскивать из нее принесенные снадобья.

– Ты что-нибудь знаешь о них? – спросил Марк, в котором любопытство взяло верх.

– О них? – пробормотал Кадфаэль. Он был всецело занят заполнением пустот на полках шкафа.

– О тех знатных людях, что едут сюда сочетаться браком. Мне известны только их имена. Да меня все это не так уж волнует, – произнес Марк с краской смущения на лице. – Но наши здешние подопечные, несмотря на язвы и увечья, прознали обо всем Бог знает как. Это событие греет их души, словно искра Божья. Похоже, любое яркое происшествие, отблески которого лишь падают и на них, куда действеннее моих стараний. И ведь это всего-навсего свадьба!

– Свадьба, – с серьезностью проговорил Кадфаэль, выкладывая из мешка склянки с мазями и пузырьки с настоями для примочек, приготовленными из альканны, анемона, мяты, норичника и овса с ячменем, – свадьба есть соединение двух жизней и, стало быть, дело отнюдь не презренное. – Он присовокупил к лекарствам еще и плоды горчицы: пасты и припарки из нее

служили весьма действенным средством борьбы с незаживающими язвами. – Каждый мужчина и каждая женщина, прошедшие через это испытание, – продолжал он задумчиво, – безусловно, должны переживать за людей, которым оно еще предстоит. Даже те, кого оно минуло, могут мысленно посочувствовать вступающим в брак.

Прежде чем переступить порог обители, Кадфаэль успел набраться опыта. Он испробовал себя во всех видах житейского единоборства – за исключением брака. Впрочем, однажды он лишь чудом избежал брачных уз. Припомнив все это, Кадфаэль почувствовал некоторое замешательство.

– Имя этого барона весьма знаменито, но я о нем ничего не знаю. Говорят, он в большой милости у короля. И по-моему, я знал когда-то одного родственника невесты. Но из той же она ветви этого рода или нет, мне неизвестно.

– Я надеюсь, она красива, – вымолвил Марк.

– Приору Роберту было бы очень интересно услышать подобное из твоих уст, – сухо произнес Кадфаэль и закрыл дверцу шкафа.

– Красота так целительна, – серьезно и без смущения отозвался брат Марк. – Если молодая и прелестная девица, проезжая мимо, улыбнется несчастным и кивнет, если она не съежится от страха, увидев их, то сделает для наших подопечных больше, чем все мои примочки. Только здесь я начал понимать: благодать – это то, что можно вырвать у быстротечного дня и отложить про запас, дабы было над чем подумать потом. – И добавил: – Конечно, это не обязательно должна быть чья-то чужая свадьба. Но можем ли мы упускать даже такой случай, коли он нам предложен?

Кадфаэль обхватил Марка рукой за плечи. Они все еще оставались худыми, как у бездомного бродяги. Увлекая друга из полумрака на улицу, туда, где все ярче сиял день и все громче слышался возбужденный гул, травник сказал:

– Будем молиться и надеяться: да принесет нынешнее событие благодать хотя бы той паре, что попалась на удочку. Судя по звукам, кто-то из них двоих сейчас как раз подъезжает сюда. Пойдем посмотрим!

Благородный жених и его свита приближались к приюту. На дороге мелькали яркие краски, призывно звучали рожки, колокольцы на лошадиных сбруях звенели не переставая. Замыкавшие кортеж слуги следовали пешком, ведя под уздцы вьючных пони, а также две пары рослых шотландских борзых на сворке. Жалкая кучка отверженных радостно подалась вперед, продвинувшись, насколько хватило смелости. Прокаженные стремились разглядеть получше и тонкие ткани, и роскошные краски, заказанные для них навеки. И когда процессия поравнялась с плетнем, послышалось приглушенное, восхищенно-благоговейное воркование этих обиженных судьбою людей.

Впереди всех на высокой черной лошади, сбруя которой, так же как и снаряжение седока, сверкала багрянцем и золотом, ехал тучный, ширококостный человек. В седле он держался уверенно, но без изящества. Вся остальная процессия следовала за ним на таком расстоянии, чтобы безусловное превосходство всадника не оставляло сомнений. Свиту возглавляли ехавшие в ряд три молодых дворянина. Они не спускали с господина пристальных, настороженных глаз, словно он в любую минуту мог обернуться и подвергнуть юношей какому-нибудь тяжкому испытанию. То же напряжение, близкое к страху, ощущалось и в следующих за ними слугах. Оно словно передавалось через слуг, пажей, конюхов и сокольничих замыкавшим процессию мальчишкам, которых влекли за собой борзые. Только животные – равно лошади, собаки и птицы на перчатках у сокольничих – сохраняли спокойствие и уверенность в себе и не робели перед повелителем.

Брат Кадфаэль стоял в воротах приюта рядом с Марком и все пристальнее вглядывался в процессию. Любой из трех молодых дворян вполне сошел бы за жениха, но было куда как ясно, что ни один из них не зовется Юон де Домвиль. Кадфаэлю как-то в голову не приходило, что барон может быть уже вовсе не первой молодости и что он отнюдь не юный влюбленный, вступающий в брак в подходящие для такого начинания годы. Между тем в короткой, но пышной бороде ехавшего впереди человека седина уже преобладала над смолью. На голове его сохранилась только курчавая бахрома седоватых волос. Тело выглядело все еще крепким, мускулистым и мощным, но всаднику давно перевалило за пятьдесят, а скорее всего, и шестой десяток подходил уж к концу. У Кадфаэля мелькнула мысль, что этот человек сжил со свету по меньшей мере одну жену. Невесте же, по слухам, только-только исполнилось восемнадцать, и ее выхватили прямо из рук няни. Что ж, такое случается.

Теперь, когда всадник приблизился, Кадфаэль не мог оторвать глаз от его лица. Широкий и плоский лоб из-за лысины казался высоким. Редкие ресницы почти не затеняли неглубоко посаженных глаз. Эти маленькие пронизательные глаза светились злорадством. Аккуратно подстриженная борода оставляла открытыми тонкие, безжалостно сомкнутые губы. Грубое, тяжеловесное, мускулистое, словно предплечье борца, лицо, какое-то недовылепленное, незаконченное – такое лицо, казалось, уж никак не могло свидетельствовать об остром уме, способном придать еще больше внушительности этому человеку. И тем не менее он явно обладал подобным умом. Таким был Юон де Домвиль.

Вельможа подъехал уже достаточно близко. Он наконец рассмотрел, что за создания нервно всматриваются и возбужденно тычут в него пальцами, примостившись возле небольшой церкви у ограды, и это ему пришлось не по вкусу. Черные, точно мелкие сливы, глазки стали темно-красными, словно тлеющие угольки. Спустившись с противоположной, более широкой обочины, он с умыслом направил лошадь через дорогу и вторгся в густую траву. Сеньор желал одного – загнать жалкое быдло назад в отведенный для него хлев с помощью плетки. Вряд ли барон хоть раз пользовался ею по назначению: скакунов чистых кровей он ценил и оберегал. Но плеть вполне могла сослужить всаднику службу, очистив его путь от больных. Крепко сжатый рот раскрылся, и послышался непререкаемый приказ:

– Прочь с дороги, мразь! Уберите эту заразу с глаз моих!

Прокаженные робко сжались и в спешке отступили назад. Им удалось если не убраться с глаз наездника, то хотя бы стать для него недосягаемыми. Всем, кроме одного. Этот, на полголовы выше прочих, остался на месте: то ли он не мог двигаться быстро, то ли вознамерился добиться от всадника понимания, то ли просто выказывал молчаливое неповиновение. Худой, закутанный в плащ человек продолжал стоять прямо, глаза прокаженного пристально следили за бароном сквозь щель в покрывале. Когда больной все же сделал шаг назад, так и не повернув головы, то сильно припал на одну ногу и не сумел уклониться от взвившейся плети. Удар пришелся ему на плечи и грудь. Изувеченная нога несчастного подвернулась, и он тяжело рухнул в траву.

Кадфаэль рванулся вперед, но Марк успел подскочить раньше. Он упал на колени, с криком негодования простер руку над худощавой фигурой и заслонил своим телом упавшего, уберегая его от следующего удара. Однако Домвиль уже миновал их. Барон всем своим видом выражал презрительный отказ обращать

долее внимание на отверженных мира сего. Он не ускорил и не замедлил шага лошади, не бросил в сторону ни единого взгляда. Его поезд молча проследовал за ним, держась, правда, ближе к дороге. Кое-кто из участников шествия отворачивался. Трое молодых дворян проехали мимо в тревоге и беспокойстве. Следовавший посредине крупный светловолосый юноша обернулся на двух распростертых на земле людей. Его васильково-синие глаза смятенно вспыхнули. Голова юноши поникла, но потом двое товарищей, подтолкнув его локтями, вывели растерянного молодого человека из забытья.

Весь кортеж проехал мимо, пока Марк помогал изможденному старику подняться на ноги. Слуги немо проследовали за господами: долг службы, точно панцирь доспехов, ограждал их от перипетий окружающего мира. Некоторые всадники, по облику люди знатные – гости и дальние родственники, – не спеша миновали место происшествия с такими добродушными лицами, словно ничего и не произошло. Среди них привлекал внимание застенчивый с виду священнослужитель. Он с рассеянной улыбкой перебирал четки и вообще не обратил внимания на случившееся. По слухам, свадебный обряд должен был совершать Эудо де Домвиль, каноник Солсбери. Каноник был в чести у церковных властей и у папского легата, ждал повышения в сане и, по-видимому, не собирался жертвовать всей этой благодатью. Так что он проехал стороной в числе знатных гостей. Затем толпу миновали конюхи, пажы и борзые, ведомые мальчиками. Все колокольчики на уздечках и соколиных путах прозвонили, и процессия двинулась дальше по Форгейту.

Брат Марк поднялся по заросшему травой скату, обнимая рукой старика прокаженного. Кадфаэль отошел назад и оставил их наедине друг с другом. Марк не боялся заразиться. Он никогда и не думал о подобной опасности, поскольку был всецело поглощен нуждами подопечных. И если б даже зараза одолела-таки его, этот подвижник не стал бы ни удивляться, ни жаловаться: болезнь только приблизила бы его к людям, которым он служил. А пока они вдвоем шли назад, Марк говорил старику что-то доброе и ободряющее. Оба давно успели привыкнуть к побоям и унижению и не обращали на них особенного внимания. Кадфаэль следил за тем, как они приближались, и отметил про себя поступь старика – достаточно твердую и уверенную, если не считать того, что больной припадал на одну ногу. Не укрылось от монаха и то, каким широким жестом, молниеносно выпростав из рукава плаща свою руку, старик скинул с себя руку Марка и отстранился. Марк, воспринявший отказ от его помощи уважительно и бесхитростно, повернулся и направился к травнику. Кадфаэль заметил также, что на левой руке старика, некогда красивой, длиннопалой, не хватает указательного и среднего пальцев, от безымянного же

остались всего два сустава. Кожа на поврежденных частях руки была белесой, морщинистой и сухой.

– Не слишком-то благородно, – произнес Марк со скорбным смирением, стряхивая с рясы остатки травы. – Но страх ожесточает людей.

Брат Кадфаэль усомнился в том, что страх мог играть в случившемся какую-то роль. Юон де Домвиль не был похож на человека, способного чего-то бояться, кроме разве лишь адского пламени; впрочем, верно было и то, что болезнь этих отверженных и адское пламя не так уж разнятся.

– У тебя новенький? – спросил Кадфаэль, не спуская глаз с высокого прокаженного. Тот спустился по склону обратно, чтобы вновь без помех наблюдать за дорогой. – По-моему, я раньше его не видел.

– Да, он появился неделю назад или чуть раньше. Бродяга, вечный паломник, ходит от святыни к святыне. Приближается к каждой настолько, насколько позволительно таким людям, как он. Говорит, ему семьдесят лет, и я верю. Думаю, он задержится у нас ненадолго. Он остановился тут вот почему: в нашей церкви раньше покоились мощи святой Уинифред – до того, как их перенесли в аббатство. Туда ему нельзя идти: слишком близко от города. А сюда можно.

Кадфаэль знал, где на самом деле покоятся останки прославленной девы. Но не стал доверять эти знания своему простодушному другу. Он в задумчивости почесал загорелый приплюснутый нос и невозмутимо сказал себе: «Святая Уинифред, без сомнения, охотно вняла бы молитвам увечного бедняка, даже лежа в своей настоящей могиле, далеко в Гвитерине».

Монах следовал взглядом за высокой, прямой как стрела фигурой. Все больные были облачены в одинаковые плащи с капюшонами. Покрывала же скрывали самые обезображенные лица. Казалось, все они – мужчины и женщины, старые и молодые – намерены проделать остаток жизненного пути в одиночестве, под обезличивающим одеянием. Ни пола, ни возраста, ни цвета кожи, ни отчизны, ни вероисповедания; все – живые призраки, известные лишь Создателю. И все же походка, голос, телосложение, тысячи мельчайших черточек делали каждого человека неповторимым. Вот и теперь в молчании новичка ощущалась сила духа, а в его спокойствии даже перед лицом грозящей расправы – редкостное чувство собственного достоинства.

– Ты беседовал с ним?

– Да, хотя он говорит мало. Судя по речи, – произнес Марк, – у него, должно быть, уже поражены губы или язык. Он выговаривает слова медленно, немного коверкает их и быстро устаёт. Но голос у него спокойный и низкий.

– Как ты его лечишь?

– Никак. Он говорит, ему не нужны лекарства, он носит с собою какой-то бальзам. Никто здесь не видел его лица. Так что, я думаю, он покалечен ужасно. Ты ведь заметил, что он хромает на одну ногу? Старик потерял на ней все пальцы, осталась только фаланга от большого. Он ходит в особом башмаке с прочной подошвой. Обувка его так скроена, что даёт твердую опору при ходьбе. Другая нога, наверное, тоже задета, но не столь сильно.

– Я видел его левую руку, – вымолвил Кадфаэль.

Он видел подобные руки и раньше, руки с пальцами, сгнившими до такой степени, что они отпадали, как сухие листья от ветки; руки, настолько изглоданные болезнью, что кости вываливались из запястий. Но в данном случае, как показалось монаху, пожирающий тело демон стал жертвой собственной жадности. Там уже не осталось никаких язвенных струпьев: белая морщинистая плоть на искалеченных руках, какой бы отталкивающий вид она ни имела, была суха и здорова. Когда больной жестикулировал, на тыльной стороне руки под кожей двигались крепкие мышцы.

– Он сказал тебе свое имя?

– Говорит, его зовут Лазарь. – Брат Марк улыбнулся. – Думаю, он заново крестился и сам назвал себя так. Быть может, сменил имя, когда расстался с домом и близкими, как надлежит по закону. Что ж, это и впрямь второе рождение, сколь ни прискорбны его причины. Тут уж он сам себе был крестным отцом. Я ни о чем его не расспрашиваю. Но мне хотелось бы, чтобы он не отвергал нашу помощь и не полагался только лишь на свои снадобья. У него наверняка есть болячки или язвы, которым твои мази принесли бы пользу, раз уж он здесь. Думаю, он скоро покинет нас так же внезапно, как появился.

Кадфаэль следил за одинокой фигурой, неподвижно стоявшей на краю покрытого травой ската.

– Но ведь его тело не утратило чувствительности! – задумчиво проговорил монах. – Владеет ли он по-прежнему всеми членами, которые еще сохранились? Ощущает ли жар и холод? А боль? Если он ударится рукой о гвоздь или сук, торчащий из плетня, почувствует ли он это?

Марк пришел в растерянность: ему были знакомы лишь внешние признаки болезни – бесчисленные, неприглядные на вид болячки, покрывающие тела несчастных.

– Мне известно только, что он почувствовал удар плетью даже сквозь плащ. Да, разумеется, он чувствует боль, как все люди.

«Но те, что больны проказой, – подумалось Кадфаэлю, вспомнившему уйму несчастных, виденных им во время крестовых походов, – те, чья кожа становится белесой, как пепел, крошится и отслаивается клочьями, те, у кого болезнь зашла далеко, не чувствуют боли, как все люди. Они могут пораниться, истекать кровью и даже не знать о ране.

Если во сне они угодят ногою в огонь, то проснутся, лишь почувствовав смрадный запах горящего мяса. Они ощупывают что-нибудь – и не осязают, берут что-нибудь – и не могут поднять взятое. Они не ощущают, как гниют и отваливаются пальцы их рук и ног. Лазарь тоже потерял пальцы на руках и ногах. Но такие мученики не ходят – пусть даже хромая, как он. Они не поднимаются с земли столь резво, не хватаются за опору, как Лазарь: ведь стоило только Марку участливо протянуть ему руку, как старик немедленно ухватился за нее своею увечной рукой. В одном лишь, в одном-единственном случае возможно такое: если пожирающий больных дьявол сам погибнет от наведенной им порчи».

– Так ты думаешь, – с надеждой спросил Марк, – что это все же может быть не проказа?

– О нет! – тут же покачал головой Кадфаэль. – Нет, это бесспорно была проказа.

Он не договорил до конца. По его мнению, многие болезни из тех, что они здесь лечили, не были настоящей проказой, хотя носили то же название и точно так же обрекали больных на отверженность. В черный список прокаженных мог попасть любой человек, стоило лишь его телу покрыться коростами, превращающимися в язвы, шелушащимися кожными высыпаниями или гноящимися болячками. Однако Кадфаэль втайне подозревал, что во многих случаях причиной заболевания стала нечистоплотность, а во многих других – слишком скудная и недоброкачественная пища. Ему было больно видеть, как вытянулось уже озарившееся надеждой лицо брата Марка. Без сомнения, Марк мечтал вылечить всех, кто к нему приходит.

С дороги донесся первый отдаленный шум нового шествия. Еще одна процессия приближалась. Пребывание здесь Домвиля предвещало мало хорошего, и даже шепот в рядах зрителей после проезда кортежа поутих. Теперь же вновь послышался шум голосов и вскоре стал похож на бодрое чириканье воробьев. Прокаженные сползли по травяному склону немного ниже. Они вглядывались в дорогу, вытягивая шеи, каждый стремился первым увидеть невесту. Жених принес с собой в основном испуг и смятение. С девушкой все могло получиться лучше.

Поборов мимолетное уныние, брат Марк взял Кадфаэля за рукав рясы:

– Пошли, ты вполне можешь задержаться, право, стоит досмотреть все до конца. Я ведь знаю, у тебя в гербариуме и без меня все в порядке. Чего тебе торопиться?

Кадфаэль вспомнил о некоторых незаурядных способностях брата Освина. Да, можно было найти много причин, по которым целителю не следовало бы отлучаться из своего сарайчика слишком надолго, но имелась по меньшей мере одна причина, чтобы остаться.

– Надо думать, еще полчаса ничего не изменят, – согласился он. – Пойдем постоим возле Лазаря, я хочу понаблюдать за ним – так, чтобы его не обидеть.

Старик даже не шевельнулся, когда услышал, как они подходят к нему. Он впал в какую-то отрешенную созерцательность, и друзья остановились чуть поодаль, дабы не тревожить паломника. «Его самодостаточность и спокойствие, – подумалось Кадфаэлю, – напоминают об отцах-пустынниках: как эти

стародавние отшельники искали сурового уединения, так и он даже среди людей словно в пустыне». Лазарь был выше обоих монахов на целую голову и прям, точно пика, да и не менее тощ. Только плечи – худые, но широкие – распирала кокон плаща. Сильный порыв ветра внезапно приблизил шум надвигающегося шествия, и Лазарь повернул голову. Он пристально вглядывался туда, откуда доносились звуки, и тут Кадфаэлю удалось мельком увидеть лицо под капюшоном. Лоб по-прежнему оставался закрытым, но, судя по форме головы, он явно был высок и широк. В щели между капюшоном и покрывалом виднелись только глаза. Они, однако же, приковывали к себе внимание – большие, незамутненные, голубоватые, неяркие, глаза живо блестели. Какие бы увечья ни скрывались под одеждою старика, глаза его хранили ясность и зоркость. Он, безусловно, привык видеть на изрядные расстояния. Сейчас он и вовсе не обращал внимания на двух стоявших с ним рядом монахов. Взгляд его был устремлен за них, на дорогу: там уже показался прибывающий кортеж, вспыхивали яркие краски и мерцали огни.

Этот кортеж уступал пышностью, да и длиной, поезду Юона де Домвиля. Здесь не было главенствующей фигуры, вместо нее впереди ехали слуги. В образованном ими круге, словно в кольце вооруженной стражи, следовали, выстроившись в шеренгу, трое всадников.

С одного края этой шеренги ехал смуглый жилистый человек с лицом оливкового цвета. Ему, вероятно, было лет сорок пять. Одетый в чрезвычайно богатое платье броских, хоть и неярких тонов, он крепко держался в седле на проворном, легко ступавшем скакуне. «Лошадь наверняка частично арабских кровей», – подумалось Кадфаэлю. Густые черные вьющиеся волосы седока выбивались из-под шляпы с плюмажем, крупный рот обрамляли усы и подстриженная черная борода. Узкое замкнутое лицо казалось настороженным и подозрительным.

С другой стороны ехала женщина примерно таких же лет – стройная, худощавая, исключительно миловидная и смуглая, как и ее господин. Под ней живо ступала чалая кобылица. Поджатые губы женщины наводили на мысль о расчетливости, глаза смотрели пронизательно, а брови настороженно сдвигались, даже когда губы растягивались в улыбке. Головной убор на госпоже был самой новейшей моды, в манере езды была видна лондонская выучка. В грациозности и изяществе наезднице нельзя было отказать. Однако облик женщины сразу поражал своею холодностью.

И между ними двумя, словно карлик среди великанов, двигалось юное создание, почти что ребенок. Даже шедшая иноходью лошадка под девушкой была слишком велика для нее. Всадница легко касалась поводьев и держалась в седле изящно, но казалась безучастной. Ее роскошный, украшенный золотым шитьем наряд из темно-голубого шелка сиял. Тоненькая фигурка в этом тяжеловесном убранстве казалась спеленутой и вытянутой, точно тело в гробу. пышные волосы цвета темного золота были собраны в золоченую сетку. Яркие, словно ирисы, глаза смотрели вперед, в пустоту. Мягкое округлое лицо с нежными чертами выглядело столь бледным и угнетенным, что всадница напоминала скорее прелестную куколку, чем живую девушку. Кадфаэль услышал, как Марк ошеломленно вздохнул. Неловко было видеть эту юность и свежесть до такой степени подавленной и лишенной радости жизни.

Знатный сеньор, как и Домвиль, понял, мимо какого места он проезжает и что за люди вышли на улицу взглянуть на его племянницу, но повел себя иначе. Он не стал набрасываться на тех, кто оскорблял его своим видом, а просто направил лошадь на другую сторону дороги и объехал прокаженных стороной. Всадник даже отвернулся, чтобы не видеть их вовсе. Девушка же была слишком глубоко погружена в свою смиренную печаль. Быть может, она так и проехала бы мимо, не заметив бедняг. Но маленький Бран настолько забылся, что с сияющими глазами сбежал до середины холмика, стремясь посмотреть на нее поближе. Уловив краем глаза какое-то неожиданное движение, девушка вздрогнула и оглянулась. И стоило ей разглядеть мальчика, как она внезапно вернулась к жизни, столь тронул ее сердце вид невинного существа, которому еще хуже, чем ей. Короткий миг она рассматривала его с ужасом и состраданием. Но затем, увидев, что поняла его неправильно, что он смотрит на нее с улыбкой, она улыбнулась в ответ. Улыбка исчезла с ее лица в мгновение ока, но, покуда длилось это мгновение, девушка вся светилась теплой, яркой и горестной добротой, и, прежде чем прояснившееся лицо невесты вновь заволочло тучами, она перегнулась через луку седла своей тетушки и бросила пригоршню мелких монет в траву, к ногам мальчика. Восхищенный Бран не мог даже нагнуться, чтобы подобрать их. Он стоял на месте, широко раскрыв глаза и глядя, как удаляется благодетельница.

Никто из прочих участников процессии не проявил щедрости. Без сомнения, ее приберегали, чтобы излить у ворот аббатства: там кортеж наверняка ждала целая толпа нищих, и можно было произвести большее впечатление.

Сам не зная толком почему, Кадфаэль отвернулся от мальчика и взглянул на старика Лазаря. Брану легко испытывать чистосердечный восторг, любуясь яркостью нарядных одежд тех, кто счастливей его. Мальчик действительно может не ощущать ни жадности, ни зависти к ним. Но умудренному опытом старцу недолго и ощутить горечь при виде запретного плода. Старик стоял без движения. Лишь голова его поворачивалась так, чтобы все время держать трех всадников в поле зрения. Ни единого взгляда на следовавших за ними служанок и слуг он не бросил. Глаза старика мерцали в щели меж капюшоном и покрывалом ледяною голубизной. Старик смотрел не мигая, пока невеста не скрылась из виду, и даже когда последний вьючный пони исчез за поворотом тракта, Лазарь продолжал стоять как вкопанный. Казалось, он способен проводить всадников взглядом до самых ворот, а после пройти сквозь стену и столь же неотступно следить за троицей и в стенах аббатства.

Брат Марк издал глубокий и скорбный вздох. Затем он повернулся и с недоумением обратился к Кадфаэлю:

– Так это она? И ее хотят выдать за того человека? Да он годится ей в дедушки, и притом этот не из добрых и ласковых. Как можно допускать подобное? – Он уставился на дорогу не менее пристально, чем старик. – Такая крохотная, такая юная! Ты видел ее лицо – какая печаль! Все это делается вопреки ее воле!

Кадфаэль не вымолвил ни слова. Трудно было сказать тут что-нибудь утешительное. Подобные вещи – обычное дело там, где брак сулит приобретение земель, состояний, а также могущественных союзников. Слово невесты – а часто даже и юного жениха – мало влияет на то, как распорядятся ее или его судьбой. Наверное, среди невест встречаются трезвые и расчетливые девицы. Им хватает проницательности увидеть все выгоды брака со стариком, если, выйдя за него, удастся обогатиться. Смерть супруга вскоре даст им свободу, а с нею – их долю наследства и положение вдовы. Дальше уже можно подыскать себе новую партию на свой вкус – при разумном подходе к делу и некотором везении. Но, судя по выражению лица, Ивета де Массар связывает предстоящую свадьбу скорее со своей близкой гибелью, чем со смертью ее жениха.

– Я молю Бога помочь ей! – горячо проговорил Марк.

– Быть может, – вымолвил брат Кадфаэль, обращаясь больше к себе, нежели к другу, – Он именно так и собирается поступить. Но может быть, Он вправе

ожидать, что люди помогут Ему уладить дело.

Во дворе епископского дома в Форгейте слуги Юона де Домвиля снимали поклажу с лошадей. Они бегали туда-сюда с постельными принадлежностями, гобеленами и разнообразным убранством, предназначенным для украшения свадебной церемонии и ложа молодоженов. Виночерпий Домвиля уже приготовил кувшин с вином для хозяина и каноника Эудо. Каноник приходился барону дальним родственником, и его надлежало обслуживать со всем старанием. Слуга проследил, чтобы в лучшей комнате дома было натоплено и уютно, чтоб теплая и удобная домашняя одежда изгладила у гостей воспоминания о тесноте дорожных костюмов и чтоб, стянув с себя щегольские сапоги, приехавшие могли обуться в комнатные, на меху, туфли. Развалясь на подушках в просторном кресле и раскинув толстые ноги, барон принялся потягивать подогретое вино с пряностями и пришел в наилучшее расположение духа. То, что процессия его невесты приближалась сейчас к городу, миновав уже приют Святого Жилья, не имело для Домвиля никакого значения. У него не было ни нужды, ни желания терять время даром, разглядывая издали свое приобретение. Он нимало не сомневался в достоинствах суженой и знал, что насмотрится на нее вдоволь потом, после свадьбы. Он приехал сюда заключить сделку, крайне выгодную для него самого и для дяди невесты. И хотя дитя волею судеб оказалось милым, красивым и чрезвычайно обаятельным, это все же было не столь уж важно.

Йоселин Люси поручил свою лошадь заботам конюха, пинком отшвырнул с дороги тюк с постельным бельем и уже было направился назад к воротам, чтобы выйти на улицу. Но его товарищ Симон Агилон, старший из трех дворян, состоявших на службе у Домвиля, схватил его за руку:

– Куда это ты удираешь? Сам знаешь, барон будет орать благим матом и требовать тебя, как только допьет первый кубок. Теперь твой черед прислуживать их милости.

Йоселин запустил руки в копну льняных волос и издал короткий, резкий смешок.

– Какая там милость? Ты видел не хуже меня. Ударить беднягу, который не смеет дать сдачи, и ни с того ни с сего чуть не растоптать его. К чертям подобное благородство! И его самого к чертям с его вечным пьянством. Сначала

я должен увидеть, как проедет Ивета.

– Ты глупец, Йосс, – настойчиво предостерег Симон, – ты треплешь языком слишком громко и по любому поводу. Вздумай ты только перечить ему сейчас – и он вышвырнет тебя отсюда ни с чем. Придется тогда отправляться домой да оправдываться перед отцом. Только разве это поможет Ивете? Или, скажем, тебе самому? – Он покачал головой и взял друга за руку. – Лучше иди к нему. Не то он с тебя шкуру снимет!

Младший из троих расседлывал лошадь неподалеку. При этих словах Симона он обернулся и с улыбкой взглянул на собеседников:

– Что ж, пусть тогда потаракится на меня. – Он дружески хлопнул Йоселина по плечу. – Давай побуду нынче мальчиком на побегушках вместо тебя. Скажу, дескать, ты занят: следишь, чтобы бочки с вином катали поосторожнее. Это ему понравится. Иди и глазей сколько влезет – хотя принесет ли это удачу хоть одному из вас...

– Правда пойдешь, Гай? Славный ты малый! Я заменю тебя, когда попросишь! – Йоселин вновь заторопился к воротам, но Симон обнял его за плечи и пошел вместе с ним.

– Я пойду с тобой. Обойдется он пока и без меня. Только слушай, Йосс, – продолжал Агилон серьезно, – ты рискуешь слишком многим. Сам знаешь: угодишь ему – и он, возможно, устроит тебе продвижение по службе, а ведь этого жаждет твой отец. Ты просто дурак, что ставишь свое будущее под угрозу. А ты ведь можешь угодить ему, стоит тебе лишь постараться: он с нами совсем не так уж суров.

Друзья вышли за ворота и встали у края стены плечом к плечу. Симон был тремя годами старше и на одну пядь ниже ростом. Друг его, угрюмый светловолосый юноша, закусил губу и, опустив голову, зло сказал:

– Мое будущее! Что он может сделать мне? Разве что вернуть меня с позором отцу. Да хоть бы и так – на черта об этом беспокоиться? Есть два поместья, которые будут моими, – этого ему у меня не отнять. Есть другие лорды, у которых можно служить. Я умею себя вести и вполне способен поладить с большинством...

Симон, по-прежнему обнимавший Йоселина за плечи, рассмеялся и притянул его к себе.

– Ясное дело, способен! Знаю-знаю: я сам переболел этим!

– Теперь императрица снова в Англии, и идет смертельная борьба за трон. Так что есть предостаточно лордов, которым нужны молодые люди, умеющие себя вести. Мне нет надобности угождать ему! А ты, Симон, с таким же успехом мог бы подумать и о своем будущем: терять тебе ровно столько же, сколько и мне. Сейчас ты – сын его сестры и, понятное дело, считаешься его наследником, но что, если... – Он стиснул зубы: ему трудно было выговорить эти слова. И все же юноша твердо вознамерился вонзить в себя нож как можно глубже, да еще и повернуть его, чтобы удвоить боль: – Что, если все переменится? Молодая жена... Что, если у него появится сын от нового брака? Ты же останешься с носом.

Симон припал курчавой каштановой головой к камням стены и громко расхохотался:

– После тридцати лет брака с тетушкой Изабель? После Бог знает скольких приключений с невесть сколькими женщинами на стороне? Ведь ни одна из них не предъявила ему отпрыска. Друг мой, судя по всему, это дерево еще способно цвести, но уж плодоносить ему не судьба. Все, чем он владеет, достанется только мне! У меня все права на наследство, я вне опасности. Мне двадцать пять, а ему уже под шестьдесят. Я могу подождать! – Он настороженно выпрямился. – Смотри, вот они едут!

Но Йоселин и сам заметил первые проблески мерцавших вдали огней и движение на дороге. Он оцепенел и принялся всматриваться. Кортёж Годфри Пикара приближался быстро, стремясь скорее оказаться под гостеприимным кровом аббатства. Чувствуя, как Йоселин выскользывает у него из-под руки, Симон ослабил хватку.

– Бога ради, подумай, что толку? Она не будет твоей! – Сказано это было с горьким вздохом, но Йоселин даже не слышал слов друга.

Кортеж проследовал дальше. Ехавшие по обеим сторонам невесты стражи казались невероятно высокими, тощими, хитрыми и жадными. Головы они держали высоко и надменно, но лбы их были изборождены морщинами, а лица выглядели осунувшимися. Казалось, уже произошло нечто, доставившее им неприятность. И там, между ними, ехала она: выставленный напоказ раззолоченный кокон и молчаливый вопль отчаяния. Глаза невесты, казалось, занимают все ее маленькое лицо, но это были глаза незрячие, устремленные в никуда, не видящие ничего. И только когда она подъехала к дому епископа, что-то встревожило ее и заставило вздрогнуть. Девушка перевела взгляд своих огромных глаз в сторону Йоселина. Юноша не был, правда, уверен, что она его видела, но он не сомневался, что девушка почувствовала его присутствие, ощутила его дыхание рядом и сама дышала им, продолжая свой путь в сопровождении двух соглядатаев. Ивета не совершила ошибки: не позволила себе ни оглянуться, ни еще как-то оживить свое покорно застывшее личико. Только уже у ворот дома епископа она на мгновение приложила правую руку к щеке и тут же вновь уронила.

– Сдается мне, – вздохнул Симон Агилон, сопровождая друга назад в дом, – ты так и не успокоился, даже сейчас. Ради Бога, скажи, на что ты надеешься? Еще два дня – и она миледи Домвиль.

Йоселин молчал, думая о поднятой вверх руке. Его сердце трепетало, ведь пальцы девушки коснулись губ, а это означало больше, чем он мог рассчитывать.

В распоряжение сэра Годфри Пикара и его свадебного кортежа предоставили весь странноприимный дом аббатства, стоявший в стороне от прочих построек. Оказавшись наедине с мужем в выделенных им покоях, Агнес Пикар с тревогою обратилась к супругу:

– Мне по-прежнему не нравится ее молчание. Я ей не доверяю.

Он презрительно пожал плечами, отбрасывая подобную мысль.

– Да ты просто слишком волнуешься. Она сдалась. Она абсолютно покорна. Да и что она может сделать? Даниэлю приказано не выпускать ее за ворота, а Уолтер следит за церковной дверью. Другого пути отсюда нет. Разве только она найдет способ перелететь через стену или перепрыгнуть через Меол. Конечно, стоит

следить за ней пристально и в доме, это не повредит. Но только осторожно, не привлекая слишком много внимания. Впрочем, я уверен: ты в ней ошибаешься. У этой пугливой мышки не хватит смелости заявить, что она не согласна.

– И все же! – сурово произнесла госпожа Пикар. – Я слышала, здешний настоятель аббат Радульфус не питает почтения к баронам, прекрасно сознает свою силу и использует ее, особенно если видит, что посягнули на его права. Хотела бы я быть так же уверена в ее кротости, как ты.

– Говорю тебе: ты слишком волнуешься. Как только Ивету подведут к алтарю, она скажет те слова, которым ее научили, без всяких фокусов.

Агнес закусила губу. Слова мужа не убедили ее до конца.

– Что ж, может, и правда. Но все-таки как бы мне хотелось, чтобы с этим делом уже было покончено! Когда ми?нут эти два дня, я вздохну с облегчением.

В сарайчике, стоявшем посреди сада, Кадфаэля встретил брат Освин. Тот топтался на месте, теребил большими усердными, но сеющими разрушение руками полы рясы и выглядел крайне сконфуженным. Кадфаэль с опаскою огляделся, понимая, что дурных новостей не избежать. Впрочем, если паренек сам сознает, что сделал какую-то пакость, и не надо выяснять, какую именно, это уже само по себе успех. Похоже, в основном все вещи остались на месте. Под жаровней горел небольшой огонь, в воздухе не чувствовалось никаких необычных запахов, пузырившиеся в огромных флягах вина, как и всегда, булькали.

Брат Освин застенчиво доложил Кадфаэлю о событиях дня, стараясь не упустить ни одной своей мелкой заслуги, перед тем как нанести главный удар.

– Попечитель лазарета забрал лекарственные кашки и порошки. А отцу приору я дал желудочное снадобье – то самое, что ты для него приготовил. Ты оставил подсыхать лепешки, так они, я думаю, уже готовы. А сушеные травы для отвара, про который ты говорил, я истолок в очень меленький порошок, и завтра отвар уже можно будет готовить. Но... – Вот теперь Освин добрался до дурных новостей. Вот он, этот огорченно-изумленный вид, говорящий, что начатое с лучшими намерениями и уверенностью в успехе дело сыграло с работником

какую-то дурную шутку. – Но случилась странная вещь... Не понимаю, как могло такое произойти, горшок наверняка уже был треснутым, хотя ни одной трещины на нем я не видел. И снадобье от кашля, что ты оставил на огне... я следил за ним тщательнейшим образом, я уверен, что снял его с огня, когда оно достаточно загустело, и размешивал точно так, как ты мне сказал. Помнишь, ты говорил – оно срочно нужно старому брату Френсису: у него так плохо с легкими... Я подумал, что быстро остужу его и разолью по бутылочкам до твоего прихода. Так что я снял горшок с огня и поставил в таз с холодной водой...

– И горшок лопнул, – обреченно произнес Кадфаэль.

– Разлетелся на части, – признал брат Освин в смущении и печали, – на две огромные части, и весь мед и травы – все вылилось прямо в воду. Просто невероятно! Ты не знал, что горшок надтреснут?

– Сын мой, горшок был прочен, как колокол, и к тому же это был один из самых лучших горшков. Но ни он, ни любой другой горшок не предназначен для того, чтобы, сняв с огня, его тут же плюхали в холодную воду. Глина не любит столь резкого перехода от жары к стуже, она сразу сжимается и разваливается. И раз уж мы остановились на этом, следи впредь за тем, чтоб с бутылками из стекла тоже подобного не случилось, – спешно добавил Кадфаэль. – Когда наливаешь в них что-нибудь теплое, сперва надо прогреть сам сосуд. Никогда не засовывай ничего прямо из жара в холод или из холода в жар.

– Я все убрал, – сказал Освин извиняющимся тоном, – и выкинул сам горшок. И все-таки я уверен: где-то в нем наверняка была трещина... Но мне очень жаль, что снадобье от кашля пропало. Я приду после ужина и сварю взамен этого новое.

«Боже упаси!» – подумал Кадфаэль, но сумел удержаться и не сказать этого вслух.

– Нет, сын мой! – твердо проговорил он. – Ты обязан пойти на трапезу и соблюдать распорядок дня, предписанный нашим орденом. Снадобьем я займусь сам. – Отныне следует оберегать свой запас горшков от благих намерений брата Освина. – А ты ступай и подготовься к вечерне.

Вот так и вышло, что история с братом Освином заставила Кадфаэля вернуться после ужина в свой сарайчик и принять участие во всех последовавших событиях.

Глава вторая

Сэр Годфри Пикар и его супруга явились к вечерне со всей торжественностью. Маленькая фигурка Иветы де Массар между ними напоминала ведомого на заклание агнца. Пожилая служанка с грубым лицом несла молитвенник леди Пикар. Сэра Годфри тоже сопровождал слуга. Девушка сняла с себя роскошное убранство и пришла в простом легком платье. Поверх пышной золотой копны ее волос была накинута вуаль. Стояла ли невеста, опускалась ли на колени, она все время держала очи потупленными долу, а лицо ее оставалось бледным и невыразительным. Стоявший среди братии Кадфаэль следил за девушкой с сочувствием. Чем дольше он на нее смотрел, тем большее любопытство его разбирало. В каком родстве могла она состоять с крестоносцем, чье имя стало легендой для его современников? Правда, это новое поколение уже забыло его. Не успевает пройти и сорока лет со дня смерти, как человек действительно умирает.

В конце вечерни, когда братья отправились ужинать, Ивета встала с колен. Не разнимая сложенных рук, она торопливо пошла вперед, в часовню Богоматери. Там перед алтарем она вновь упала на колени. Кадфаэлю показалось, что Агнес Пикар хотела последовать за ней. Судя по всему, тетушке помешал лишь муж, предостерегающе коснувшийся ее плеча: приор Роберт Пеннант, всегда внимательный к знатым, как и он сам, нормандцам, подступил к супругам во всем великолепии своего облачения с каким-то вежливым приглашением, от которого невозможно было легко отказаться. Бросив напоследок цепкий взгляд на благоговейно застывшую фигурку племянницы, казалось целиком поглощенной страстной молитвой, госпожа с изяществом покорилась и зашагала рядом с приором, опершись на руку мужа.

Кадфаэль отужинал в кругу братии очень быстро: его все еще волновали события этого дня. Увы, против них его травы были бессильны. К тому же у него, благодаря неиссякаемому усердию брата Освина, было чем занять вечер.

Ивета стояла на коленях до тех пор, пока все вокруг не затихло. В наступившей тишине прошло еще несколько минут. Наконец и голос приора, услужливый и предупредительный, замер вдали. Тогда девушка поднялась на ноги и, пробравшись к южной двери, стала с осторожностью осматривать обитель. Отец Роберт увел гостей в сад, дабы супруги могли полюбоваться прощальным цветением заботливо выхаживаемых им роз. Вся компания стояла там, спиной к девушке. Площадка двора перед ней была совершенно безлюдна. Подобрав юбки и призвав всю свою храбрость, Ивета – только одна она ведала, с каким героическим усилием и с какою ничтожной надеждой, – выбежала, точно преследуемая котами мышь, на большой двор и в отчаянии огляделась по сторонам.

Это место было ей совсем незнакомо, она очутилась здесь впервые; между странноприимным домом и покоями настоятеля она видела зелень плетеных изгородей, окаймлявших узенькую аллею, и еще дальше – кивающие ей верхушки деревьев. Там должен быть сад, и сейчас в нем наверняка пусто. Он сказал, что будет ждать ее где-то там, и, проезжая мимо, она дала ему знать, что не обманет его ожиданий. И зачем только она это сделала? Они смогут лишь проститься, ничего более. И все же Ивета рвалась навстречу ему с такой отчаянной храбростью, которую ей следовало бы найти в себе раньше, пока еще не было все кончено. Теперь она уже торжественно обручена, и заключенный договор налагает на нее обязательства не менее суровые, чем сам брак. Куда легче уйти из жизни, чем выскользнуть из силков подобной сделки.

Ивету обступили густые зеленые стены, здесь было сумрачно. Она глотнула воздуха и торопливо пошла вперед, не зная точно, куда держать путь. Дорожка, идущая направо, повела ее вдоль задов странноприимного дома по одну сторону и рыбных прудов по другую. Миновав второе озерцо и пешеходный мостик, девушка подошла к воротам в стене из рыхлого камня. Миновав эти ворота, она почувствовала себя в неизмеримо большей безопасности, чем раньше, а волна сладкого и чуть пряного запаха, которую вздымали ее влекущиеся по зелени юбки, приносила странное ощущение спокойствия и уюта. Розмарин с лавандой, тимьян с мятой и прочие травы наполняли сад за стеной дивным благоуханием, хотя нынче, по осени, в нем уже чувствовалась горчинка: еще немного – и этот запах уйдет в прошлое, вся природа погрузится в зимнюю спячку. Пик летней пышности уже миновал вместе с жатвой.

Из беседки в стене высунулась рука и поймала запястье Иветы. Торопливый голос шепнул:

– Сюда, быстро! Тут в углу есть сарайчик... домик травника. Идем! Здесь никто нас не станет искать.

Каждый раз, когда Ивете удавалось к нему приблизиться – а такая возможность выпадала очень нечасто и длилась очень недолго, – девушку пугала и в то же время успокаивала внушительность фигуры юноши: он был так высок, широкоплеч, длиннорук, гибок, с узкими бедрами, что, казалось, окружал ее несокрушимой стеной, словно башня, в которой Ивета могла укрыться от всяких опасностей. Но девушка знала, что, увы, не от всяких, и знала, что он так же несчастлив и уязвим, как и она сама. От этой мысли ей делалось страшно – даже больше, чем за себя. Эти высокородные господа, стоит им только взъестся, могут с легкостью уничтожить юного дворянина, каким бы рослым и сильным он ни был и как хорошо ни владел бы оружием.

– Сюда могут прийти, – прошептала она, вцепившись в его руку.

– В такое время, вечером? Никто не придет. Сейчас они ужинают, а потом отправятся в здание для капитула.

Он потянул ее за руку, увлекая за собой в деревянный домик, где на полках блестело стекло, а оставленная слабо гореть до новой надобности жаровня казалась огненным глазом, светящимся в полумраке. Юноша не стал закрывать отворенную дверь. Лучше было ничего там не трогать, чтобы не выдать монахам, что в домик наведывались незваные гости.

– Ивета! Ты пришла! Я боялся...

– Ты же знал, что я приду!

– ...боялся, думал, за тобой будут все время следить, и следить слишком пристально. Слушай меня, у нас мало времени. Ты не должна и не будешь отдана этому грубому старику. Завтра, если ты только мне доверяешь и если хочешь бежать со мной, приходи сюда снова в это же час...

– О Боже! – сказала она с тихим стоном. – С чего мы взяли, что у нас есть путь к спасению?

– Но его не может не быть, он должен быть! – с настойчивой яростью вскричал юноша. – Если ты действительно этого хочешь... если ты любишь меня...

– Если я люблю тебя!

Ивета припала к нему. Ее маленьких тонких рук не хватало, чтобы заключить в объятия все его мощное тело, но она стремилась охватить руками как можно больше. И в этот самый миг в дверях появился ничего не подозревавший брат Кадфаэль. Обутый в легкие сандалии, он бесшумно прошел по ухоженной тропинке и внезапно заслонил своим телом свет сумерек, льющийся из сада. Увидев его, молодые люди вздрогнули и отшатнулись друг от друга. Монах, однако, был изумлен куда больше их, да и, судя по лицам влюбленных, он мало напоминал мрачного преследователя, за которого они приняли его в первый миг. Ивета отпрянула и вжалась спиной в бревенчатую стену домика. Йоселин же продолжал недвижно стоять близ жаровни. Но молодые люди тотчас же вновь овладели собой – скорее от отчаяния, чем от присутствия духа.

– Умоляю простить меня, – взяв себя в руки, невозмутимо произнес Кадфаэль. – Я и не думал, что здесь меня ждут больные. Понимаю: вас, конечно, направил ко мне попечитель лазарета. Он знал, что я буду работать тут до вечера.

Кадфаэлю, разумеется, ничего не стоило обратиться к ним по-валлийски. Но неожиданные гости должны были, с Божьей помощью, оценить и ту спасительную уловку, которую он столь поспешно им предлагал. В безвыходном положении сообразительность, как правило, обостряется. К тому же монах, в отличие от них, уже слышал шуршание женского платья за дверью, стремительно приближающиеся женские шаги, яростные и быстрые. Он встал у жаровни и, чиркая огнем о камень, принялся разжигать масляную лампу. Не успел он справиться с этим, как в дверях появилась высокая, грозная фигура Агнес Пикар. Брови ее были сведены вместе так, что образовывали одну ровную непрерывную линию.

Подрезав фитиль, брат Кадфаэль запалил его и повернулся, чтобы собрать в коробку целительные лепешки, оставленные подсушиваться братом Освином. Лепешки были составлены из ветрогонного порошка, пропитанного клейкой смолой, и напоминали маленькие белые блинчики. Это занятие дало Кадфаэлю возможность попрежнему держаться спиной к стоящей в дверях женщине, хотя он прекрасно знал о ее присутствии. Поскольку было ясно, что ни молодой человек, ни девушка покамест не в силах вымолвить ничего членораздельного,

монах продолжал вести беседу сам.

– Виной всему ваше утомительное путешествие, – увещевающе сказал он, закрывая коробку с лепешками, – из-за него-то у тебя, госпожа, голова и разболелась. Ты очень разумно сделала, что обратилась за помощью к брату Эдмунду, на головную боль нельзя просто махнуть рукой, ибо она лишает сна, который тебе сейчас так необходим. Я дам тебе настой, молодой человек ведь не против подождать?..

Йоселин наконец-то пришел в себя, он решительно повернулся в сторону грозной фигуры в дверях и пылко подтвердил: да, конечно, он с радостью подождет, пока госпожа Ивета примет нужное снадобье. Кадфаэль достал с полки чашечку и из длинного ряда бутылей выбрал одну. Он уже наливал жидкость в чашку, когда раздался голос – пронзительный и холодный, как тонкая сталь. Они услышали:

– Ивета!

Все трое разом обернулись. Им удалось очень правдоподобно разыграть удивление. Агнес прошла в домик, подозрительно прищунив глаза.

– Что ты здесь делаешь? Я искала тебя всюду. Все ждут тебя к ужину.

Кадфаэль понял, что надо предупредить те слова, которые могла от страха и растерянности выдать из себя девушка.

– Твоя племянница, госпожа, – сказал он, – после изнурительной поездки испытывает обычное недомогание. Брат Эдмунд был совершенно прав, направив леди Ивету ко мне. – Он подал Ивете чашку. Та машинально взяла ее. Лицо девушки оставалось белым как мел, лишь по глазам можно было заметить, как она испугана и растеряна. – Выпей прямо сейчас, перед ужином. Не бойся, это пойдет тебе только на пользу.

Питье действительно могло принести лишь пользу – неважно, болела у нее голова или нет, ведь монах налил в чашку одно из своих лучших вин. Он берег его для своих любимцев, ибо дивного напитка удавалось заготовить лишь очень немного. И целитель был вознагражден: в глазах девушки, полных отчаяния, промелькнула искорка изумления и удовольствия, пусть даже вскоре погасшая.

Ивета вернула пустую чашку и слабо улыбнулась. На Йоселина она и вовсе не решалась взглянуть.

– Спасибо тебе, брат, – еле слышно проговорила девушка. – Ты очень добр. – И затем, обращаясь к замершей у дверей и мрачно наблюдавшей за нею опекунше: – Прости, что задержала, тетушка. Теперь я готова.

Не сказав больше ни слова, Агнес Пикар отошла от двери, жестом холодно приглашая племянницу выйти первой. Глаза тетки недобро блестели, она неотступно следила за девушкой, пока та выходила. И прежде чем последовать за нею, Агнес бросила на молодого человека долгий выразительный взгляд, грозивший всеми возможными бедами. Хотя правила вежливости и были соблюдены, но стало совершенно ясно, что ввести в заблуждение мадам Пикар не удалось ни на одно мгновение.

Невеста с опекуншей ушли, затих шорох юбок. Наступило длительное молчание. Двое оставшихся в домике мужчин беспомощно смотрели друг на друга. Затем Йоселин, испустив громкий стон, бросился на скамью, стоявшую у стены.

– Было бы справедливо, чтоб старая ведьма свалилась с мостика и утонула в пруду – прямо сейчас, в этот миг, пока она еще над ним! Но разве сбывается то, что справедливо? Брат, не сочти меня неблагодарным: я чрезвычайно ценю твою находчивость и участие. Но, боюсь, все это ни к чему. Надо думать, она уже некоторое время подозревала меня и теперь найдет способ рассчитаться со мной за все.

– И возможно, будет права, – искренне сказал Кадфаэль. – Да простит мне Бог мою ложь!

– Ты не солгал. Если Ивета и не страдает от головной боли, то испытывает боль похуже – боль сердечную. – Юноша сердито запустил пальцы в копну льняных волос и припал голову к стене. – Что за питье ты ей дал?

В порыве чувств Кадфаэль вновь наполнил чашку и подал юноше.

– Попробуй! От такого зелья тебе тоже вреда не будет. Одному Богу ведомо, заслуживаешь ли ты его, повременим с выводами до тех пор, пока я не узнаю о тебе больше.

Ощувив вкус вина, юноша удивленно поднял брови. Они были выразительно изогнутые, словно крылья, и куда более темные, чем его волосы. Лоб и щеки юноши покрывал густой золотистый загар, свидетельствующий о жизни на воздухе и редкий у таких белокожих блондинов. Гость с некоторой опаскою рассматривал Кадфаэля. Глаза его были такими же лучезарно-синими, какими монах запомнил их у приюта Святого Жилия – точно васильки на пшеничном поле. Нет, этот парень не был похож на соблазнителя или обманщика, скорее напоминал школяра-переростка – искреннего, нетерпеливого, сметливого, но наверняка не умудренного опытом. Сметливость и мудрость не всегда ходят в одной упряжке.

– В жизни не пробовал лекарства вкуснее! Ты правда был необычайно великодушен к нам, да и на редкость находчив, – тепло сказал обезоруженный юноша, – хотя ничего не знал о нас и никогда нас раньше не видел!

– Да нет, я уже видел вас обоих, – возразил Кадфаэль. Он принялся взвешивать и сыпать в ступку различные травы для грудного эликсира, а затем взял маленькие мехи, чтобы раздуть пламя в жаровне. – Мне надо сварить снадобье от кашля, пока не началась вечерняя служба. Ты не будешь возражать, если я поработаю?

– Я тебе мешаю. Простите меня! Я и так уже надолго оторвал тебя от дела.

Но уходить гостю явно не хотелось: его сердце было переполнено всем случившимся, юноше требовалось поделиться с кем-то, но с кем? Разве что с таким вот совершенно случайным знакомым, с которым и свидеться-то, наверное, больше никогда не придется.

– Впрочем... Нельзя ли остаться?

– Разумеется. Ты же свободен сейчас, значит, можешь остаться. Ты служишь Юону де Домвилю, а он, как я себе представляю, не дает слугам спуску. Я ведь видел тебя, когда ты проезжал мимо приюта Святого Жилия. И госпожу я тоже там видел.

– Так вы были там? Что с тем стариком? Он не пострадал?

«Господи, благослови парня, он искренне беспокоится, – мысленно произнес Кадфаэль. – Сам в бедах по уши, а все еще способен негодовать, когда попирают чужое достоинство».

– Нет, ни душою, ни телом. Несчастные, подобные ему, живут в таком унижении, что невозможно унижить их еще больше. Он и внимания не обратил на этот удар.

Любопытство помогло Йоселину отвлечься от собственных бед.

– И ты был среди них? Среди этих людей? И ты – прости, если я ненароком обижаю, – ты не боишься среди них находиться? Не боишься заразы? Меня всегда интересовало... Я думал: кто-то ведь с ними возится. Я знаю, они вынуждены жить вдали от людей. Но не могут же они обходиться совсем без человеческой помощи?

– Что касается страха, так в нем просто нет никакого смысла, – сказал Кадфаэль, всерьез призадумавшись. – Когда доходит до дела, страх исчезает. Разве ты отшатнешься от прокаженного, если ему понадобится взять тебя за руку или, наоборот, тебе его, чтобы вместе уйти от опасности? Сомневаюсь. Некоторые, быть может, так бы и сделали, но насчет тебя я сомневаюсь. Ты сперва сделаешь, что нужно, и только потом примешься размышлять. И тут уж бояться – попросту даром время терять. Тебя ведь сегодня не ждут за столом твоего господина? Что ж, оставайся и поведай мне о себе, если хочешь. Ты мой должник: самое малое – тебе следует извиниться, а лучше – вознаградить меня за вторжение.

Непрошенный гость несколько не стеснял монаха. Машинально взяв из рук Кадфаэля мехи, Йоселин принялся раздувать пламя в жаровне.

– Мы прислуживаем господину втроем, – задумчиво произнес юноша. – Сегодня за столом следит Симон – Симон Агилон, сын его сестры. А третий – это Гай Фицджон. Мне пока не надо идти туда. Ты ведь ничего не знаешь обо мне и, возможно, сомневаешься, правильно ли сделал, что пришел нам на помощь. Мне бы хотелось, чтобы ты думал обо мне хорошо. В том, что об Ивете ты наилучшего мнения, я уверен. – Когда гость произнес ее имя, лицо его вновь омрачилось. Он

уныло посмотрел на раздутое пламя, радовавшее глаз Кадфаэля. – Она... – поборов обожание, юноша бунтарски выпалил: – Нет, она не само совершенство. Да и с чего бы ей быть им? С десяти лет она под опекой этих двоих! Раз ты был у Святого Жилья, значит, видел их. По обе стороны от нее – словно надсмотрщики! Душа Иветы давно уже исковеркана. Но если б ей дали свободу, она бы вновь стала самой собою: храброй и доблестной, как ее предки. И тогда я не тревожился бы, даже если б она досталась не мне, а другому, – сказал он, глядя на Кадфаэля ослепительно яркими синими глазами. – Нет, неправда: я бы тревожился бесконечно, но смог бы превозмочь себя и радовался бы за нее. Но того, что творится сейчас – этой гнусной сделки, – я допустить не могу!

– Следи за мехами! Довольно, вытащи их, ты уже достаточно раздул пламя. Положи их вон на тот камень. Молодец! Что ж, имя на имя – честный обмен. Меня зовут Кадфаэль, я из здешней обители, валлиец, родился в Трефриве. – Кадфаэль толк в ступке измельченные травы, постепенно добавляя к ним мед да чуточку уксуса, тем временем на огне нагревался горшок. – А ты кто таков?

– Меня зовут Йоселин Люси. Отец мой, сэра Алан Люси, владеет двумя поместьями в Херефорде. Когда мне было четырнадцать, он отправил меня к Домвилю пажом – чтобы я приобрел необходимые для дворянина навыки в доме более высокородного сеньора. И я бы не сказал, что у моего господина так уж трудно служить. Лично я не могу на него пожаловаться. Но если говорить обо всех обитателях его дома, его вилланах и вообще всех, кто от него зависит... – Он заколебался. – Ведь я грамотен, знаю латынь. Я ходил в школу к монахам. Не скажу, что мой хозяин хуже других. Но, видит Бог, он и не лучше. Я бы попросил отца найти мне другое место, если бы...

Если бы ухаживания, достойные их такого слова, хозяина за наследницей рода Массар не сделались предметом обсуждения в домах Пикаров и Домвиля. Если бы юноша не увидел ее, не был обворожен, покорен крохотным невинным созданием, томящимся под надзором этой пары надсмотрщиков. Ведь каждое появление господина в доме Иветы приближало к ней – пусть даже оставляя заведомо безнадежным расстояние – и его молодых слуг.

– Оставаясь на службе у барона, я мог хотя бы видеть ее, – произнес юноша, пытаясь, пусть хоть на словах, вывернуться из своего непростого положения. – Если б я ушел от него, то разве сумел бы потом к ней приблизиться? Вот я и остался. И стараюсь служить ему честно, раз обещал. Но... ох, брат Кадфаэль! Разве это правильно? Разве это справедливо? Боже милостивый, ей

восемнадцать лет, и этот старик приводит ее в ужас. И все же, насколько я могу судить, даже замужество с ним лучше той жизни, что она ведет сейчас. Она несчастна, и ей не найти счастья в этом браке. А я люблю ее! Но это так, к слову. Мои чувства не имеют значения: лишь бы она была счастлива.

– Хм-м-м! – скептически отозвался Кадфаэль и помешал готовящееся снадобье. Тихо пузырившаяся в горшке жидкость уже закипала, наполняя домик хмельным ароматом. – Многие влюбленные, должно быть, давали такую клятву. Но все равно каждый не сбрасывал и себя со счетов. Полагаю, ты скажешь мне, что готов умереть за нее.

Лицо Йоселина внезапно расплылось в мальчишески озорной улыбке.

– Умереть особого желания не имею. Я бы охотнее пожил ради нее, коли будет позволено. Но если ты спрашиваешь, сделал ли бы я все возможное, чтоб освободить ее и дать ей свободу в выборе суженого, – то да, сделал бы. Потому что нынешний жених избран не ею, брачный союз с ним внушает ей ужас и отвращение, ее вынудили дать согласие.

Много говорить на эту тему не требовалось: с первого взгляда на невесту, на ее лицо и поведение, Кадфаэлю и самому все стало ясно.

– И те люди, что должны охранять ее ревностней всех, заботиться о ее благе, просто используют ее в своих собственных целях, и ничего больше. Ее мать – она приходилась Пикару сестрой – умерла, когда Ивета появилась на свет, а отец погиб, когда ей было десять лет от роду. Сироту отдали на попечение дядюшке, ближайшему родственнику, и это вполне естественно. Если б он еще обращался с нею по-родственному! О, я, конечно же, не слепец и знаю – тут нет ничего нового: ее опекун не только не тратит на нее собственные средства, но извлекает всю возможную выгоду из попечительства и разоряет ниву, которую должен был бы заботливо возделывать, чтобы собрать потом для ребенка хороший урожай. Говорю тебе, брат Кадфаэль: Ивету продают моему господину потому, что он имеет вес при дворе короля, пользуется его расположением и вполне преуспевает. Однако это еще не все. Ивета владеет необъятными землями. Она последняя в роду Массаров, и все богатство этого рода теперь принадлежит только ей. Я догадываюсь, в чем смысл совершаемой сделки: они хотят разделить между собой некогда единое достояние прославленного воина. Значительная часть всех угодий как пить дать останется за Пикарами. Остальное, конечно, перейдет вместе с Иветой к Домвилю. Но из этих земель

еще долго будут извлекать прибыль, прежде чем они на деле перейдут в руки барона. В общем, очень выгодный договор для обеих сторон. А по отношению к Ивете – вопиющая несправедливость.

Кадфаэль подумал, что юноша рассуждает вполне здраво и, вероятно, прав. Так нередко бывает, когда дитя остается сиротой и вместе с тем наследует обширные земли. Даже если это не девушка, а юноша, которого защитить некому, опекуны так же могут его женить против воли. Да, чтобы расширить свои плодородные земли, они вполне способны не дать подопечному самому выбрать себе жену. И все произойдет так же просто и неотвратно, как и с девушкой. А уж с девушками подобное вообще случается сплошь и рядом и почти не вызывает никаких вопросов. Нет, никто из власть имущих – от баронов до короля – даже и пальцем не шевельнет, чтобы своим вмешательством повлиять на участь Иветы. Разве что вот такой безрассудный юнец, горячая голова. Такой может пойти на все, что угодно, рискуя собой, да в придачу и девушкой.

Монах не спросил парня, о чем они перешептывались с Иветой, когда он, Кадфаэль, застал их в объятиях друг друга. Как бы ни был взволнован и разгневан молодой Люси, в глубине души он явно еще на что-то надеялся. Что ж, лучше его не расспрашивать и не давать ему говорить об этом, даже если он сам пожелает. Впрочем, одну вещь Кадфаэлю требовалось узнать. Ведь юноша сказал, что Ивета осталась последней в роду Массаров.

– Как звали ее отца? – спросил Кадфаэль, помешивая густеющее снадобье. До вечерни он успеет снять его с огня и поставить охлаждаться.

– Хамон Фицгимар де Массар.

Юноша гордо и торжественно подчеркнул второе имя, данное по отцу. Похоже, не перевелись еще молодые люди, приученные относиться к именам погибших героев с должным почтением.

– Ее дедом был тот самый Гимар де Массар, который участвовал во взятии Иерусалима, а после в битве при Аскалоне попал в плен и умер от ран. У Иветы его шлем и меч, она бережет их как зеницу ока. После смерти воина их прислали сюда Фатимиды[1 - Фатимиды – династия на Ближнем Востоке.].

Да, именно так они поступили – в знак уважения к храброму врагу. Их просили также вернуть его тело, захороненное во временной гробнице, и они благосклонно отнеслись к просьбе. Но между вождями крестоносцев то и дело вспыхивали раздоры, и это помешало христианам захватить порт Аскалон. В результате переговоры о возвращении тела рыцаря прервались и со временем позабылись. Благородные враги с честью похоронили его, и там он и остался лежать. Очень давно это было.

– Да, помню, – сказал Кадфаэль.

– И какой стыд, что с единственной наследницей славного рода обходятся нынче дурно, отнимают у нее право на счастье!

– Что правда, то правда, – сказал Кадфаэль, сняв горшок с огня и поставив его в сторонке на утоптаный земляной пол.

– Нельзя этому потакать, – решительно заявил Йоселин. – Этому должен быть положен конец. – Он глубоко вздохнул и поднялся с места. – Ничего не поделаешь, надо идти. – Он окинул взглядом ряды бутылей и склянок и свисавшие сверху пучки засушенных трав. Нетрудно было предположить, что в этом сарайчике есть снадобья на все случаи жизни. – А не найдется ли у тебя тут чего-нибудь, что я мог бы подсыпать ему в кубок? Ему или Пикару – какая разница, кому именно? Стоит любому из них отправиться на тот свет – и Ивета будет свободна. Заодно на этом свете станет легче дышать.

– Если ты говоришь серьезно, то твоя душа в опасности, мой мальчик, – решительно сказал Кадфаэль. – А если по недомыслию, то мне следовало бы просто тебе уши надрать. Не будь ты таким верзилой, я, может, и попытался бы.

Лицо юноши на мгновение озарилось теплой, хотя и скорбной улыбкой.

– Я могу поклониться, – предложил он.

– Ты не хуже меня знаешь, дитя мое, что не решишься на такое грязное дело, как убийство. И ты причиняешь себе большое зло уже тем, что просто говоришь об этом.

– Не решишь? – мягко переспросил Йоселин, и улыбка сбежала с его лица. – Ты не знаешь, брат, как я могу поступить со своею душой, чтобы избавить Ивету от бед.

Слова юноши продолжали тревожить Кадфаэля в течение всей вечерни, да и потом, в теплой комнате, где монах провел в тишине последние полчаса перед сном. Тогда, в сарайчике, конечно, не оставалось ничего, кроме как сделать юнцу строгий выговор, твердо заявив ему, что он должен отказаться от своих черных мыслей, ибо добра от них не будет. Ведь этому юноше надлежит поступать только по-рыцарски, быть рыцарем – его судьба. И он должен, обязан отвергнуть другие пути. Но вот беда: Йоселин вполне здраво рассудил, ответив, что был бы величайшим глупцом, если б вызвал своего господина на поединок по всем рыцарским правилам. Домвиль даже не принял бы подобную дерзость всерьез, а просто вышвырнул бы нахала из дома, и дело с концом. И как тогда поможешь Ивете?

Но следует ли отсюда, что Йоселин и впрямь может пойти на убийство? Вспоминая его открытое смуглое лицо – казалось, не способное что-либо утаить – и его пылкий нрав, Кадфаэль с трудом мог в такое поверить. И все же существует еще эта миниатюрная, хрупкая девушка с покорной печалью на лице и безжизненными глазами. До ненавистной свадьбы остается два дня. Да, судьба возлюбленной – довод достаточно веский: ради ее спасения можно пойти и на пару убийств, хотя никакая цель не оправдывает злодеяния.

Необходимость что-то предпринять мучила Кадфаэля не меньше, чем Йоселина Люси. Ибо юная Ивета была внучкой Гимара де Массара, лишившейся всех родных, кроме этих двух надсмотрщиков, не спускающих с нее глаз. Мог ли он бросить последнюю из Массаров на произвол судьбы? Мог ли не пошевелить даже пальцем, он, который знал ее деда и ныне чтит его память? Это равносильно было тому, чтобы бросить в бою раненого и окруженного врагами товарища.

В теплой комнате к Кадфаэлю робко подошел брат Освин:

– Ты уже приготовил снадобье от кашля, брат? Это моя вина, позволь мне загладить ее как-нибудь. Я встану рано и разолью лекарство по бутылкам. Я причинил тебе столько лишних хлопот и должен как-то помочь.

Освин и не догадывался, сколько хлопот своей оплошностью он причинил на самом деле и какую непростую задачу неожиданно задал наставнику. Но, во всяком случае, он помог Кадфаэлю вспомнить о его основной обязанности в монастыре – после соблюдения устава, разумеется.

– Нет-нет, – торопливо сказал Кадфаэль. – Снадобье уже готово. Теперь ему надо остыть и как следует загустеть. Разливать его нужно будет только после заутрени, да и то, пожалуй, не сразу. Завтра твоя очередь быть чтецом на богослужении. Ты должен выполнять свои обязанности наилучшим образом и думать только о чтении.

«И оставить мои снадобья в покое!» – мысленно добавил он, отправляясь к себе помолиться на сон грядущий.

Вдруг неожиданная мысль поразила его: до чего же большие руки брата Освина похожи на руки Йоселина Люси. И однако эта пара рук несла разрушение всему, к чему прикасалась, а те, другие, несмотря на их размеры, действовали искусно и ловко – держали ли поводья серой в яблоках лошади или меч и копье, обнимали ли нежный стан девушки, у которой было тяжело на душе. И значит, с той же сноровкой обращались бы, если б пришлось, и с орудием убийства?

На следующее утро Кадфаэль поднялся рано. До заутрени было еще далеко, и травник отправился в свой сарайчик. Там он разлил по бутылкам остывшее за ночь снадобье, а затем отнес порцию его в лазарет брату Эдмунду. День занялся теплый, но туманный, было безветрие. На большом дворе царила обычная будничная суета, как всегда, она была особенно оживленной между заутреней и завтраком. В этот промежуток времени служили еще раннюю обедню для мирян – слуг и работников, – а потом позднюю обедню и молебен для капитула. Но сегодня, из-за приготовлений к завтрашней свадьбе, его сократили. Таким образом, до начала торжественной мессы в десять часов оставалось много свободного времени. Однако Кадфаэль не стал отдыхать, а использовал это время иначе: вернувшись в свой сад, он дал брату Освину задания на всю вторую половину дня. Задания были продуманы так, что уникальный помощник, вечно из самых благих побуждений сокрушающий все, казалось бы, не мог нанести большого ущерба делу. Хорошая пора осень: всегда есть что копать, дабы успеть подготовить землю до грядущих морозов. Кадфаэль вернулся на большой двор незадолго до десяти. Братья, послушники, гости и горожане уже начали собираться к мессе. Пикары только что покинули странноприимный дом, Ивета,

как всегда, безмолвно шла между дядей и теткой. Девушка выглядела совсем одинокой. Но Кадфаэлю подумалось, что вид у нее тем не менее решительный и спокойный, словно слабый животворящий ветер вывел ее из оцепенения и отчаяния, вселив ей в сердце надежду – пусть даже на чудо.

Пожилая служанка, на лице которой, как и у Агнес, были написаны угрозы и неприязнь, следовала за ними по пятам. Дитя было надежно окружено стражей со всех сторон.

Опекуны лениво шли по двору в сопровождении брата Дэниса. Они уже подошли к южной двери церкви, когда в благостную тишину вдруг грубо вторгся яростный стук копыт. В следующий миг во двор ворвался галопом всадник на серой в яблоках лошади. Он несся так стремительно, что чуть было не раздавил монастырского привратника, прочие же слуги бросились врассыпную, как куры при виде лисы. Всадник резко осадил лошадь, копыта отчаянно заскрежетали о влажный булыжник. Кинув уздечку на шею лошади, седок спешил и застыл перед Годфри Пикаром. Лняные волосы наездника были взъерошены, голубые глаза сверкали, широко расставленные ноги и словно сведенное судорогой лицо говорили, что молодой человек разъярен не на шутку.

– Это твоих рук дело! Я уволен со службы безвинно, вышвырнут без объяснения причин, с одной только лошадейю да седельными сумками. Вдобавок мне велено покинуть город до вечера. И все одним махом – мне не дали и слова сказать в свое оправдание! Но я хорошо знаю, кого мне благодарить за любезность! Это ты, ты нажаловался на меня моему господину! Это ты пожелал, чтобы он вышвырнул меня вон, как собаку! И я получу от тебя удовлетворение за эту услугу, рассчитаюсь с тобой один на один, прежде чем окажусь за пределами Шрусбери!

Глава третья

Это внезапное вторжение, словно брошенный в пруд камень, всколыхнуло весь большой двор, вызвав сначала волну испуга и недоумения, а затем замешательство у ворот, в странноприимном доме да и в самой обители. Брат Дэнис робко затрепетал, не зная даже, кто, собственно, этот рослый сердитый молодой человек, и желая лишь одного – восстановить мир. Но о том, как

взяться за дело, он представления не имел. Меж тем Пикар чуть ли не вплотную придвинулся к своему юному обвинителю. Тот стоял непоколебимо, лицо его выражало решимость и непреклонность. Щеки Пикара сначала ярко вспыхнули, но от бешеной ярости тут же побледнели. Двинуться вперед сэра Годфри не мог, отойти в сторону не хотел, а уж отступить хотя бы на шаг он бы и вовсе себе не позволил, даже если б горстка испуганных слуг не напирала на него сзади. Агнес разъяренно взглянула на юношу и мгновенно повернулась к Ивете – ей удалось вовремя схватить девушку за руку. Ивета уже было подалась вперед, издав слабый отчаянный возглас. С ее лица как ветром сдуло отрешенность и подавленность. На короткий миг на нем отразилось неистовое волнение – так расколотый лед слепит, отражая свет. В то мгновение девушка забыла обо всем, кроме этого юноши, и она кинулась бы к нему, прижалась бы к его телу, обняла бы его, если б вцепившаяся в нее тетушка не рванула ее немилосердно к себе и не держала бы железной хваткой. То ли Ивета уже слишком привыкла к бездумному повиновению, то ли она, напротив, осознала происходящее, но только девушка сразу съежилась и застыла. Свет в ее глазах погас, во взгляде была одна лишь боль. Кадфаэль видел это, его мысли путались. Ни одно юное существо, только что оторванное от няньки, не должно так страдать.

Впрочем, он вспомнил ее взгляд позже. В тот момент его больше интересовало противоборство дикой до неразумия молодости Люси и многоопытной, искушенной зрелости Годфри Пикара. Схватка не оказалась неравной, как можно было бы ожидать. Юноша пока был хозяином положения: он прекрасно владел собой и чувствовал себя уверенно.

– Я не вправе просить тебя обнажать оружие прямо здесь, – произнес он резко и четко. От ярости его голос все более повышался, словно он зачитывал перечень воинов, постепенно подбираясь к имени главнокомандующего. – Я бросаю тебе вызов и предлагаю назвать место и время, чтобы мы могли биться до победного конца. Ты оскорбил меня: я уволен по твоему навету и требую удовлетворения. Попытайся отстоять свою правоту в схватке со мною.

– Наглый плут! – презрительно, словно выплевывая слова, произнес Пикар. – Да я прежде напущу на тебя моих гончих! Много чести для тебя – скрестить со мною мечи! Ты отстранен от службы как никчемный, вероломный, надоедливый, дурно воспитанный негодник, поделом тебе, и скажи спасибо своему господину, что он не выгнал тебя за порог плетьюми. Ты еще легко отделался. Смотри не доведи до чего-нибудь похуже. А теперь прочь с моей дороги и отправляйся домой, как тебе приказано.

– Ну уж нет! – процедил сквозь зубы Йоселин. – Не раньше, чем я скажу все, что должен сказать, – здесь, при свидетелях. И ничей приказ не заставит меня стронуться с места! Разве земля, на которой я стою, принадлежит Юону де Домвилю? Разве он владеет воздухом, которым я дышу? Я не так уж дорожу службой у него: найдутся другие дома, наверняка не менее достойные. Но бежать к нему, подло оговорить меня, чернить мое имя – разве это честно?

Пикар в нетерпении испустил яростный бессловесный рык, повернулся и повелительным жестом призвал своих слуг. Полдюжины мощных воинов – уже немолодых и привычных к грубой работе – тут же приблизились и, выстроившись по трое с каждой стороны, заключили юношу в полукольцо.

– Уберите этого щенка с глаз моих. Тут рядом река. Суньте его в ил, наконец, пусть остынет!

Женщины подались назад. Агнес и служанка схватили Ивету за руки и оттащили в сторону. Слуги подступили к буяну, ухмыляясь, но с опаской. Йоселин был вынужден сделать несколько шагов назад, чтобы не оказаться в кольце.

– Не подходите! – предупредил он, свирепо сверкая глазами. – Пусть этот трус сам выполнит свои угрозы. Если вы коснетесь меня, то прольется кровь.

Он до того забылся, что позволил было себе схватиться за рукоять меча и вытащить лезвие на несколько дюймов из ножен. Тут Кадфаэль понял, что настало время вмешаться, пока молодой человек не совершил какой-нибудь непоправимой ошибки. Вместе с братом Дэнисом монах стал протискиваться к юноше, стремясь оттереть его от противников. Но тут на фоне стены обители выросла внушительная фигура приора Роберта. Всем своим видом этот величественный человек выражал неудовольствие. Тем временем со стороны покоев настоятеля быстро приближалась не менее высокая, но куда более устрашающая персона – аббат Радульфус. Соколиное лицо, пронизательные глаза, несмотря на внешнюю холодность, выдавали, что аббат разгневан не на шутку.

– Благородные господа! – простер Роберт длинные изящные руки, пытаясь развести спорщиков. – Вы бесчестите и себя, и нашу обитель. Стыдитесь хвататься за оружие или угрожать друг другу насилием в этих стенах!

На лицах воинов появилась безмолвная благодарность. Они без промедления отступили назад и смешались с толпой. Пикар же остался на месте. Он чуть не дымился от злости, но все же сохранял самообладание. Йоселин поспешно вдвинул меч в ножны, но тоже продолжал стоять, тяжело дыша и явно лелея свою ярость. Он не принадлежал к числу молодых людей, которых легко смутить, погасить же сейчас его гнев было еще труднее. Обернувшись, юноша оказался лицом к лицу с настоятелем, который как раз достиг следившей за спором толпы и остановился. Лицо аббата было мрачным, спокойным и высокомерным. Он молча наблюдал за разгулом мирских страстей. Наступила мертвая тишина.

– В пределах этого аббатства, – произнес наконец Радульфус, не повышая голоса, – мужчины не затевают ссор. Но это не значит, что мы не можем выслушать спорящих. Мы тоже мужчины. Сэр Годфри, держи своих людей в узде, пока вы у нас в гостях. А ты, молодой человек, если посмеешь еще раз взяться за меч, проведешь ночь в темнице.

Йоселин склонил голову и преклонил колени, – правда, настоятель вполне мог счесть этот жест показным.

– Отец настоятель, я прошу прощения! Я был не прав – неважно, что меня оговорили.

Но, признавая сейчас свою вину, он кипел от гнева. Сторонний наблюдатель, наверное, задался бы даже вопросом: может, юноша считает даже выгодным нанести аббатству еще одно оскорбление? Допустим, его бросят в темницу, как обещали. Значит, он, по крайней мере, останется в стенах обители. Дальше можно попытаться взломать или как-то открыть замки, можно подкупить или обвести вокруг пальца служителей-мирян. Да, вероятно, у него был шанс! Но благородный юноша не мог и помыслить о подобном: нельзя обижать тех, кто не нанес обиды тебе.

– Хорошо. Значит, мы понимаем друг друга. Так что же за спор возмутил наше спокойствие?

Оба, Йоселин и Пикар, заговорили одновременно. Но Йоселин в кои-то веки проявил мудрость и отступил, предоставив право первенства старшему. Юноша стоял неподвижно, крепко закусив губу и всматриваясь в лицо настоятеля. Тем

временем Пикар с презрением отметал брошенное юношей обвинение – отметал в тех выражениях, которые Йоселин и ожидал от него услышать.

– Святой отец, этот дерзкий молодчик был изгнан со службы своим господином как нерадивый и дурно воспитанный прощелыга, и теперь он обвиняет меня в том, что я посоветовал милорду Домвилю избавиться от него. А я в самом деле чувствовал себя обязанным дать подобный совет: я видел, как бесцеремонен юнец, как он преследует мою племянницу, постоянно нарушая всякие приличия. И вот он примчался сюда, чтобы вызвать меня на поединок, в обиду на свое совершенно справедливое увольнение. Он лишь получил по заслугам, однако не может никак образумиться. Вот и все дело, – язвительно заключил сэр Годфри.

Брат Кадфаэль восхитился тем, как стойко Йоселин держал рот на замке и не давал воли рвущемуся наружу потоку гневных слов. Взгляд юноши был почтительно прикован к Радульфусу, и заговорил он не раньше, чем его пригласили. Он, конечно же, должен был проникнуться за эти мгновения доверием и уважением к справедливому и пронзительному настоятелю, чтобы так обуздать себя. Юноша мог быть уверен: его не осудят, не выслушав; и воистину стоило сделать над собой усилие и взять себя в руки, дабы потом должным образом защититься.

– Что скажешь, молодой человек? – обратился к нему Радульфус. Лицо его по-прежнему выражало спокойное бесстрашие судьи, но в голосе слышался намек на снисходительность.

– Отец настоятель, – сказал Йоселин, – все мы приехали сюда двумя домами посмотреть на свадебное торжество. Ты видел невесту. – К этому времени девушку давно уже оттащили с места происшествия и втолкнули в странноприимный дом. – Ей восемнадцать лет. Моему господину – тому, кто был моим господином – под шестьдесят. Последние восемь лет невеста находилась под опекой своего дядюшки как сирота; за ней числятся огромные земли, которыми давно распоряжается тот же дядюшка. – Стало отчасти понятно, куда он клонит, нежданно повернув разговор в новое русло. Пикар весь кипел и, дай ему волю, тут же разразился бы ответной тирадой. Но Радульфус, нахмурившись, наклонил голову и поднял руку, требуя тишины. Опекун был вынужден уступить.

– Отец настоятель, я молю тебя помочь Ивете де Массар! – Желанная минута настала, и Йоселин не мог больше сдерживаться. – Святой отец! Ее владения

охватывают пятьдесят поместий в четырех графствах, это уже само по себе целое графство. И они поделили его между собой, ее дядюшка и жених. Бедняжка продана одним и куплена другим против ее воли – о Господи, да у нее уже не осталось воли, ее укротили! – вопреки ее воле! Я обидел их только тем, что люблю ее и мечтал вырвать из этой тюрьмы...

Вторая половина его фразы, хотя Кадфаэль и придвинулся настолько близко, что услышал все, для большинства наверняка потонула в криках негодования. Громче всех звучал голос Агнес. Он с лихвой перекрывал голос противника. Йоселин, как ни старался, не мог его заглушить. И тут слышался четкий цокот копыт. Мгновение спустя во двор иноходью въехали всадники – представители королевской власти. Их было много. Споры, завязавшиеся было вокруг молящего Йоселина и протестующего Пикара, прервались на полуслове. Все взоры обратились к ним.

Впереди ехал Юон де Домвиль. Все мускулы на его лице были напряжены, точно бицепсы у борца; его злобные, настороженные черные глазки горели мстительным огнем. Рядом с ним ехал Жильбер Прескот, шериф короля Стефана в Шропшире – крепкий, поджарый рыцарь средних лет, с соколиными бровями и крючковатым носом. В черной раздвоенной бороде шерифа попадалось немало седых прядей. За шерифом следовали начальник караула – сержант – и семь-восемь старших чинов, отряд довольно внушительный. Въехав в ворота, шериф дал знак своим людям остановиться. Воины спешили, сам шериф тоже слез с лошади.

– Вот он! – прорычал Домвиль, сверкая глазами на Йоселина. Тот пораженно уставился на барона, не понимая, в чем дело. – Вот он, мошенник, собственной персоной! Разве я не говорил, что он будет сеять смуту везде, где только можно, прежде чем уберется отсюда? Хватай его, шериф! Держите каналью!

Он был так увлечен, что не сразу заметил присутствовавшего здесь настоятеля. Огненный взгляд Домвиля с запозданием остановился на суровой молчаливой фигуре. Барон спешил и с грубоватым почтением обнажил голову.

– С твоего позволения, отец настоятель! У нас дело чрезвычайное. Мне очень жаль, но этот молодой плут осквернил стены твоей обители.

– Беспокойство, которое он нам причинил, – холодно ответил Радульфус, – как мне представляется, не требует того, чтобы приводить сюда шерифа с сержантом. Насколько я понимаю, если молодой человек и виновен, то ему уже пришлось заплатить за это. Отстранить его от службы – твое право. Но преследовать его дальше – это, по-моему, уже чересчур. Разве что у тебя есть против него какие-то новые обвинения? – Он вопросительно посмотрел на Прескота.

– В самом деле есть кое-что еще, – проговорил шериф. – Милорд Домвиль известил меня, что, после того как этому дворянину было велено собирать свои вещи, а затем покинуть дом, пропала вещь величайшей ценности. В доме ее найти, как ни искали, не удалось. Есть основания подозревать, что этот человек украл ее, дабы расстроить своего господина и отомстить ему за увольнение. Вот в чем он обвиняется.

Йоселин воззрился на него в насмешливом изумлении, он даже не рассердился и уж во всяком случае не испугался.

– Я? Украсть? – выдохнул он с величайшим презрением. – Да я бы не тронул и самой жалкой вещицы, принадлежащей ему. Будь моя воля, я б и пылинки с его двора не унес на подошвах. Он велел мне покинуть дом – я так и сделал, даже не задержался, чтобы собрать как следует свои пожитки. Все, что я унес с собой, на мне или вот в этих седельных сумках.

Подняв руку, настоятель призвал всех к сдержанности.

– Милорд, что за ценная вещь пропала? Велика ли она? Когда она потерялась?

– Это свадебный подарок, приготовленный мною для невесты, – ответил барон, – золотое ожерелье с жемчугом. Если вынуть его из футляра, оно умещается на ладони. Я хотел преподнести его девушке сегодня после обеда, но когда пошел за ним и раскрыл футляр, тот был пуст. Это случилось, наверное, около часа назад. Мы убили столько времени на напрасные поиски! А ведь то, что сам футляр на месте, должно было нам подсказать: вещь не потеряна, ее украли. И, кроме этого буйного молодца, которого выгнали за дело и который вел себя весьма вызывающе, никто из моего дома не выходил. Поэтому я обвиняю его в воровстве. Он получит все, что причитается ему по закону, до самой последней капли.

– Но знал ли молодой человек об ожерелье и о том, где оно хранится? – настойчиво спросил аббат.

– Знал, святой отец, – с готовностью откликнулся Йоселин. – О нем знала вся наша троица.

В воротах появились новые всадники. Их было еще больше, чем в предыдущей группе. Некоторые принадлежали к свите Домвиля, которую сам барон обогнал. В их числе были также Симон и Гай. Судя по лицам молодых людей, им отнюдь не хотелось быть на виду и они вовсе не стремились принять участие в происходящем. Они старались держаться за спинами других и выглядели оттуда с растерянным и несчастным видом. Ничего удивительного в этом, конечно же, не было.

– Но я не прикасался к нему, – уверенно проговорил Йоселин. – Вот я перед вами в том, в чем покинул дом. Хотите – разденьте меня, тогда сами увидите: все, что на мне, – мое, до последней нити. Вот моя лошадь и седельные сумки: вытащите все, что найдете там, и пусть господин аббат будет свидетелем. – Нет-нет, только не ты, милорд! – добавил он в бешенстве, видя, что Домвиль сам двинулся в сторону серой лошади. – Не хватало еще, чтоб мой обвинитель рылся в моих пожитках собственноручно! Пусть обещет все и рассудит нас человек беспристрастный. Отец настоятель, я взываю к твоему правосудию!

– Это вполне справедливо, – отозвался аббат. – Роберт, ты сделаешь что нужно?

Приор Роберт величаво наклонил голову в знак согласия и с важностью отправился исполнять свою миссию. Двое подручных Прескота отстегнули седельные сумки. Ощувив нажим, лошадь встрепенулась и недовольно прыгнула в сторону. Но Симон тут же выскользнул из седла и подбежал к ней. Взяв в руки уздечку, он принялся успокаивать пугливое животное. Вскоре обе сумки лежали открытыми на булыжниках двора. Приор Роберт запустил руки в первую и начал по очереди доставать из нее немудреные пожитки. Разъяренный владелец бесцеремонно запихал их туда, наверное, меньше часа назад. Сержант торжественно принимал вещи у приора. Прескот стоял рядом. Скомканные в гнев льняные рубахи, штаны, куртки, обувь, кое-что из запасной сбри, перчатки...

Показав всем, что в первой сумке пусто, приор Роберт нагнулся ко второй. Йоселин стоял неподвижно – подтянутый, длинноногий, стройный. Он почти не обращал внимания на обыск. На дерзком смуглом лице юноши играла самоуверенная улыбка. Кадфаэлю, однако, подумалось, что у госпожи Люси найдется несколько выразительных слов в адрес сына относительно его обращения со сшитыми ею рубашками. Но это произойдет, когда он вернется домой. Если он вернется домой...

И если он благополучно вернется домой, то что дальше? Что станет с девушкой, уведенной насильно со двора и запертой где-то тюремщиком вместе с престарелой служанкой? Никто не спросил ее, что она знает о происходящем, о чем думает. Она была для них не человеком, а лишь предметом доходной торговли. Из второго мешка было извлечено красивое платье для особо торжественных случаев, тоже варварски скомканное. За ним последовали различные кушаки и портупей, голубая шляпа, еще рубахи, пара мягких башмаков, пара самых нарядных штанов – опять-таки голубых. Кадфаэль пришел к выводу, что подготовившая все это мать явно учитывала белизну волос, цвет кожи своего отпрыска и голубизну его глаз. И – о удивление! – там оказалась искусно переплетенная книга в тонкой резной обложке из дерева – молитвенник молодого человека. Он ведь сказал, что грамотен.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Фатимиды – династия на Ближнем Востоке.

Купити: https://tellnovel.com/piters_ellis/prokazhenyy-iz-priyuta-svyatogo-zhilya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)